

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главная тема данной книги – вопросы теории и эмпирического исследования субъективного экономического благополучия (СЭБ). Проблема СЭБ – одна из наиболее сложных и малоисследованных областей экономической психологии человека. Едва ли можно найти специалистов, которые не входят в противоречие друг с другом при описании феноменологии СЭБ, определении границ его предметного поля и тем более при точном определении этого понятия. Кроме вопроса о том, что такое СЭБ, не менее остро стоит проблема закономерностей его структурной организации и измерения, а также типологии, опирающейся на его особенности. Многообразие проблем, фактический материал, накопленный в науке, задачи, которые ставятся общественной практикой, настоятельно требуют разработки теоретических основ изучения СЭБ.

Проблемы экономического благополучия в современном обществе вышли далеко за рамки науки и, безусловно, относятся к числу наиболее значимых и приоритетных в общественном и индивидуальном сознании. В настоящее время в силу новых тенденций развития кризисных явлений в мировой экономике они приобретают особую политическую, экономическую и социальную остроту, для их решения требуются новые научные подходы. Становится или нет человек и человеческое общество в целом счастливее по мере роста его благосостояния, увеличивают ли деньги субъективное благополучие – вот ключевые вопросы, поиск ответов на которые в течение уже многих десятилетий является предметом междисциплинарных исследований ученых разных стран. Некоторые выводы уже сделаны. Примечательны те из них, которые вызывают наибольший научный консенсус: люди в богатых странах в среднем значи-

тельно счастливее тех, кто проживает в очень бедных государствах, но в каждой отдельной стране положительная связь между доходом и счастьем очень небольшая, а зачастую и совсем исчезает. Хотя эта связь больше проявляется в бедных странах, а риск быть несчастливым из-за недостатка средств гораздо выше для бедных (Diener, Biswas-Diener, 2002, 2008). Таким образом, общий вывод заключается в том, что деньги могут повышать субъективное благополучие, когда их смысл в преодолении бедности, но счастье мало зависит от дохода, когда он выше определенной черты, т. е. больше, чем реальные материальные запросы человека. Однако и это положение, несмотря на его значительную научную поддержку, небесспорно, так как имеются серьезные теоретические и эмпирические основания поставить под сомнение даже эти скромные итоги. Выполненные исследования прямо указывают на высокую субъективную значимость денег независимо от экономического положения человека, на быстрый рост потребления в современном обществе, на стремление небедных людей повышать свои доходы. Ярким примером также может служить тот факт, что люди с любым уровнем дохода в субъективно представляемой ситуации «много денег» выражают эмоции радости, а в ситуации «мало денег» – разнообразные отрицательные эмоциональные переживания.

Существует много теорий и гипотез, еще больше накоплено эмпирических фактов (иногда противоречащих друг другу), но недостаточно научного понимания того, какова природа связи дохода и субъективного благополучия. И научная полемика в этом направлении не утихает. Вывод о слабой или несуществующей связи между доходом и индивидуальным благополучием, противоречащий реалиям жизни, стал главным парадоксом в научной литературе. Это вызвано, на наш взгляд, целым рядом причин методологического и теоретического, в том числе междисциплинарного характера, которые актуализируют интерес к феномену СЭБ.

В первую очередь традиционные экономические модели ожидаемой полезности оказались недостаточными для понимания влияния экономических переменных на счастье и субъективное благополучие людей в целом из-за высокой неопределенности этих понятий, зачастую отражающих внутренний опыт человека. Люди по-разному понимают, что такое счастье в жизни и, следовательно, по-разному его оценивают. Экономический эффект оказывался неясен из-за воздействия трудноконтролируемых причин неэкономического (чаще психологического) характера. Более существенной

причиной благополучия выступало не объективное материальное положение человека, а то, какое субъективное значение оно имеет для него и как оно в этой связи им оценивается. Именно субъективные оценки – часто ведущий критерий субъективного благополучия, а не влияние денег на жизнь человека. Многие экономисты, признавая теоретическую важность концепта субъективного оценивания благополучия для объяснения и прогнозирования экономического поведения человека, без энтузиазма восприняли идею включения его в понятийную систему науки для анализа различий между людьми в уровне материального благосостояния, прежде всего по причине теоретической неразработанности. Об этом свидетельствует тот факт, что в последние годы в научной парадигме экономической науки можно встретить базовые принципы концепции бихевиоризма, согласно которым то, что люди делают – более объективно, чем то, о чем они думают и говорят. Уже несколько десятилетий регулярно накапливаются эмпирические доказательства, противоречащие этой точке зрения. В большинстве стран тренд субъективного благополучия сохраняется практически без изменения, в то время как доход на душу населения заметно увеличивается. В то же время существуют немногочисленные доказательства изменения уровня счастья в рамках жизненного цикла вне изменений дохода и экономических обстоятельств жизни.

СЭБ позволяет понять взаимосвязь между объективным и субъективным показателями благополучия. Существующая интеграция междисциплинарных исследований в области изучения материальных основ субъективного благополучия взаимно обогащала эти исследования, давала возможность экономистам более глубоко понимать важность изучения психологических факторов в объяснении причин благополучия, а психологам – понимать существенную роль объективных обстоятельств жизни в детерминации субъективного благополучия. Понятие и феномен СЭБ позволяет не только усилить эту тенденцию, но и по-новому осмыслить накопленный разноплановый эмпирический опыт в области изучения «экономики благополучия» и «экономики счастья», обогатить теорию экономической науки методологией понимания роли психологических переменных в процессе и последствиях экономического роста. В то же время осмысление экономической, социальной и психологической феноменологии с позиций СЭБ как собственно теоретической, способствует пониманию значения универсальных моделей для описания и объяснения экономико-психологических явлений, тем самым

содействуя развитию практической роли экономической психологии в формировании общественной политики. Политические и экономические решения должны опираться на постоянную реальную оценку экономических и социальных индикаторов состояния общества с учетом всех существующих показателей. Измерение СЭБ позволит выявлять те социальные группы, у которых высоки или, наоборот, низки счастье, удовлетворенность жизнью, позитивные чувства, а также фокусировать внимание на сферах социальной и экономической активности населения, в которых люди испытывают удовольствие или неудовольствие, и постоянно отслеживать изменения уровня экономического благополучия. Таким образом, обращение к понятию и феномену СЭБ – важный шаг на пути интеграции экономических и психологических переменных, своеобразная «зона» соединения усилий экономистов и психологов в понимании и объяснении природы благополучия человека.

Не менее важной причиной неоднозначной связи между материальным достатком и субъективным благополучием является сложная природа последнего. Субъективное благополучие определяется не только удовлетворением базовых нужд человека, но и сложной гаммой его психологических устремлений – потребностью в познании, автономии, самореализации, уважении, дружбе и т. п. Таким образом, существуют разные составляющие (типы) субъективного преуспевания – экономическое и психологическое (и/или социально-психологическое) благополучие. Доход выступает умеренно сильным предиктором субъективной оценки уровня жизни, но гораздо слабее предсказывает переживаемые человеком положительные и отрицательные чувства. С другой стороны, существует понимание и незначительное число научных фактов, касающихся природы взаимосвязи СЭБ с благополучием психологическим и, в свою очередь, обоих этих феноменов – с общим субъективным благополучием, а также – роли в их отношениях реального дохода. Психологическая наука уделяла больше внимания психологическим процессам (адаптации и сравнению), которые корректируют (повышая или понижая) значение для человека объективных жизненных обстоятельств, нежели разработке концепции СЭБ. Если в области экономической науки все же можно говорить о возрождении и усилении интереса к феномену СЭБ, то в фокусе внимания экономических психологов этот феномен оказывается крайне редко. Более того, в современной психологической литературе нечасто можно встретить даже упоминание о нем (исключение составляют работы

Е. А. Углановой – см.: Угланова, 2001, 2002, 2003, 2007). В этой связи необходимо подчеркнуть целесообразность исследования частных видов благополучия и, прежде всего, экономического. Описание и тем более объяснение психологической природы конкретного неизученного вида благополучия само по себе является важной научной задачей, достойной специальных исследований. С другой стороны, выявление специфического, особенного в структуре и психологических механизмах и факторах детерминации позволяет развить теорию общего субъективного благополучия, которая, по мнению многих исследователей, остро нуждается в пересмотре.

Среди причин актуальности проблемы СЭБ нельзя не отметить большой интерес исследователей к изучению влияния субъективных оценок благосостояния (чаще всего удовлетворенности доходом) на субъективное благополучие в силу заметных различий в связях объективных и субъективных измерений экономического благополучия с общей удовлетворенностью жизнью (Ackerman, Paolucci, 1983; Cummins, 2000). В ряде стран Европы, в России, а также Латинской Америке, установлено, что оценка человеком собственного материального благосостояния, прежде всего дохода, является более важным критерием восприятия жизни в целом и объясняет значительную часть вариаций общей удовлетворенности жизнью (Verbič, Stanovnik, 2006; Ferrer-i-Carbonell, van Praag, 2001; Ferrer-i-Carbonell, 2005; Угланова, 2003). Например, для России обнаружено, что удовлетворенность доходом более тесно связана с субъективным благополучием (Schyns, 2000; Senik, 2004, 2008) и обычно имеет более высокий коэффициент регрессии по различным его областям, чем реальный доход (Ferrer-i-Carbonell, van Praag, 2001). На основе результатов лонгитюдного исследования в России за период 1996–2000 гг. установлено, что изменения в реальных семейных доходах в целом объясняют существенную часть изменений общей удовлетворенности жизнью, при этом в отдельные годы это влияние может быть выше, чем в другие (Frijters et al., 2006). Результат дифференцированного влияния также зафиксирован в сравнительном исследовании, проведенном в странах Восточной Европы (Hayo, Seifert, 2003). В целом для большинства стран с переходной экономикой обнаружено, что, несмотря на существующие различия, коэффициент корреляции между субъективным благополучием и субъективными индикаторами благосостояния во всех случаях является достаточно высоким. Это означает, что СЭБ существенно детерминирует общее субъективное благополучие и является не-

отъемлемой его частью (там же), а также выступает в роли медиатора, опосредующего связь дохода и субъективного благополучия (Ferrer-i-Carbonell, 2002). Однако этот результат не стал ни фактом теоретического осмысления, ни предметом эмпирических исследований. Нельзя не отметить кросскультурный аспект данной проблемы. Особое отношение к собственности и богатству – специфическая черта русской ментальности. Это обусловлено не только современными обстоятельствами, прежде всего, обострением социального неравенства в российском обществе и возрастанием материальных проблем для большинства слоев населения страны, но и причинами исторического и религиозного характера.

Причины неоднозначной связи между объективным и субъективным материальным достатком нужно искать в природе СЭБ человека как отношения к собственному материальному положению, включающему ценностно-смысловые, потребностно-мотивационные, эмоционально-оценочные аспекты, которые и определяют роль и значение материального достатка для человека. Поэтому субъективные оценки не простое отражение (или слепок) материальных условий жизни. Корреляция между объективным и субъективным экономическим статусом обычно оказывается позитивной, но может оказаться достаточно слабой (Strümpel, 1974; Ravallion, Lokshin, 1999, 2002). Правда, эти данные получены в основном в экономически стабильных странах. Отметим также концептуальную разнородность эмпирических исследований, затрагивающих различные стороны осознания человеком явлений экономического содержания, в том числе объясняющих несоответствие реального материального благосостояния и его субъективных оценок. Ярким аргументом, указывающим на несоответствие объективного и субъективного оценивания благосостояния, являются состояния высокой удовлетворенности («парадокс удовлетворенности») и неудовлетворенности жизнью («дилемма неудовлетворенности»), обнаруживаемые соответственно на уровне бедности и в привилегированных экономических условиях жизни (Zapf, 1984). Именно это свидетельствует о сложной полифеноменологической природе СЭБ. Понятие СЭБ дает новый импульс исследованиям субъективного богатства, субъективного среднего достатка и субъективной бедности как явлений экономического самоопределения и самоидентификации личности.

Важной причиной актуальности проблемы стали собственно вопросы измерения экономического благополучия. Оценка благосостояния столкнулась с многочисленными проблемами – доход не толь-

ко не отражает в полной мере реального благосостояния человека, но его и не всегда возможно объективно измерить. Субъективные измерения как новая альтернатива традиционному объективному определению благосостояния и благополучия получили популярность в конце прошлого века. С этого момента пришло понимание, что субъективные оценки являются наилучшим инструментом для измерения экономического благополучия. Весомым аргументом в пользу этой точки зрения явилась высокая эмпирическая согласованность результатов большинства исследований, использующих субъективные оценки для измерения индивидуального благосостояния, что продемонстрировало значение и надежность этих методов. Полагают, что при использовании понятия СЭБ существует меньше методических и методологических проблем, чем при традиционных исследованиях общего субъективного благополучия или счастья (Hayo, Seifert, 2003; Diener, Seligman, 2004). Главной проблемой измерения СЭБ является недостаточное развитие теоретических представлений о его природе и компонентах, а также отсутствие надежных методов его оценивания.

Проблема СЭБ как явления психосоциального, экономико-психологического, культурно-исторического особенно остро встает для стран (к числу которых, безусловно, относится и современная Россия), претерпевающих серьезные трансформационные изменения – внедрение и развитие рыночной экономики и демократических политических институтов (Hayo, 1997, 1999, 2003; Senik, 2004). Необходимы специальные исследования экономико-психологических феноменов сознания и поведения личности в условиях трансформирующегося общества как самостоятельное направление научного поиска. Особое звучание проблема СЭБ имеет для России как государства с невысокими доходами у большинства населения, где деньги приобрели особое место в системе жизненных ценностей, а материальное благополучие – в структуре субъективного качества жизни людей и, в первую очередь, молодого поколения, наиболее восприимчивого к идеалу материального преуспевания.

Внимание к феномену СЭБ значимо, таким образом, по многим причинам, однако наиболее важными являются следующие. Эта проблема имеет несомненную теоретическую новизну в понимании самого феномена субъективного благополучия, прежде всего, для интеграции усилий в изучении явлений экономического сознания, экономического поведения и материальных условий жизни личности. Взаимная детерминация экономико-психологических явлений

сознания, поведения и условий жизни представляет несомненный теоретический интерес. Подход с позиции СЭБ дает возможность углубить осмысление природы благополучия через анализ механизмов взаимодействия экономических и экономико-психологических феноменов, внешней и внутренней детерминации явлений экономического сознания, соотношения объективных и субъективных оценок благосостояния, взаимосвязи между доходом, представлениями об экономическом благополучии и экономическими притязаниями человека. С позиций феномена СЭБ открываются новые возможности в исследовании богатства, среднего достатка и бедности не только в качестве традиционно социально-экономических, но и как экономико-психологических явлений.

В данной книге мы постараемся дать ответы на ряд фундаментальных вопросов о природе взаимосвязи денег и счастья, а также роли в ней СЭБ. В соответствии с высказанными представлениями, логика построения материалов книги следующая. Книга включает два раздела. *Первый* посвящен анализу современного состояния исследований СЭБ. В первой главе анализируется само понятие и состояние проблемы СЭБ, обосновывается актуальность его исследования в экономико-психологической перспективе. Следует сказать, что целью анализа немногочисленных существующих данных по этой проблеме было выделение как наиболее устоявшихся, так и новых представлений о содержательных аспектах, принципиальных характеристиках СЭБ как научной категории. Отсутствие психологической концепции СЭБ, являющееся основным теоретическим барьером для развития рассматриваемой области научного знания, сделало необходимым его анализ как категории обобщенных, интегральных психологических феноменов. В этой связи подчеркивается, что проблема СЭБ имеет выраженный междисциплинарный характер, поскольку ее понимание и описание требует изучения социальных, политических, экономических и психологических условий жизнедеятельности человека. Психологический анализ СЭБ предполагает рассмотрение этого явления во всей совокупности внешних и внутренних условий жизнедеятельности, в системе социальных связей и отношений личности. Вместе с тем вариативность трактовок отражает объективный факт его универсальной многозначности, многомерности, множественности способов и аспектов проявления (модусов). В силу этого психологическое содержание СЭБ, а следовательно, и его значение – многогранно и, особо подчеркнем, полимодаль-

но, что также отражается в существовании разнообразных качеств и функций.

Многоаспектность проблемы СЭБ определяет междисциплинарный характер анализируемых направлений зарубежных (и отчасти отечественных) исследований. Поэтому исследование проблемы предполагает анализ структуры СЭБ, выделение его свойств, изучение динамики проявления. В этой связи особое внимание уделяется вопросу соотношения благосостояния и субъективного благополучия, пограничного для психологии и других общественных наук, прежде всего – экономической и социологической. Во второй и третьей главах монографии впервые в отечественной научной литературе изложены обзорные материалы теоретического анализа работ, посвященных одной из самых обсуждаемых и спорных в экономической и психологической науке тем – взаимосвязи между доходом и счастьем или благополучием. Анализ проведен в логике выделения основных исследовательских традиций и подходов (объективного, субъективного и собственно психологического), уровней изучения проблемы (индивидуального, социетального и межстранового), а также концепций понимания природы этих отношений (теории полезности, адаптации, ожиданий, социального сравнения, потребностей, идеалов, копинга, когнитивной теории, целевой и др.). Рассматриваются вопросы психологических механизмов субъективной оценки благосостояния, относительного и абсолютного дохода, их роли в качестве ведущих предикторов субъективного благополучия человека.

Особый интерес представляет четвертая глава, в которой впервые представлен сравнительный анализ моделей СЭБ (Campbell, 1974; Groenland, 1990; Diener et al., 1998, 2000; van Praag et al., 2000; Poiesz, von Grumbkow, 1988; Joo, Garman, 1998; Углова, 2003) и теорий оценки (удовлетворенности) благосостояния. Несмотря на опубликованные работы, обнаружено явное отсутствие эмпирически верифицированной концепции СЭБ. Отметим, что ни один из существующих теоретических подходов не объясняет на удовлетворительном уровне все многообразие проявлений причинно-следственных отношений между его элементами. Более того, все выделяемые составляющие СЭБ представляют собой перечень его частных элементов (индикаторов). Поэтому теоретические вопросы о природе и структуре СЭБ остаются открытыми. В главе также уделяется внимание анализу таких аспектов СЭБ как финансовый стресс (Maddux, 2002; Dean et al., 2007), финансовая или экономи-

ческая напряженность (Voydanoff, Donnelly, 1988; Francoeur, 2002, 2005; Hayes, 2006), финансовая тревожность, финансовые трудности и финансовое здоровье (O'Neill, 1995; Joo, 1998; Joo, Garman, 1998).

В пятой главе рассматриваются вопросы детерминации СЭБ со стороны объективных (доход, возраст, пол, образование) и психологических факторов (личностные характеристики).

Второй раздел книги посвящен изложению и эмпирической верификации авторской экономико-психологической модели СЭБ, закономерностям его структурной организации и методам измерения. Описаны теоретические основания построения модели и выделения ее основных компонентов, предлагается структурно-уровневый принцип ее организации. В соответствии с ним, элементы психологической структуры СЭБ организованы иерархически и образуют три основных уровня. Первым, исходным является уровень «реакций низшего порядка»: единичных индикаторов, отдельных состояний и оценок, отражающих «субъективное пространство» его проявлений. Вторым – уровень базовых феноменов, и третьим – уровень интегральных факторов отношения к материальному достатку. Показано, что компоненты каждого уровня составляют единую систему, а их синтез обеспечивает приближение модели к ее эмпирической экспликации.

В шестой главе обсуждаются методологические проблемы измерения СЭБ. В ней анализируются существующие подходы к оценке экономического благополучия, описаны конкретные приемы и методы измерения его и связанных с ним конструкторов. Констатируется отсутствие целостного теоретического подхода к измерению СЭБ, а также психометрически обоснованных методов его оценивания.

В седьмой главе излагаются теоретические принципы построения экономико-психологической модели СЭБ, а также результаты эмпирических исследований, подтверждающие ее валидность и эмпирическую пригодность. На основе результатов структурного моделирования обосновываются ее основные свойства – многомерность и гетерархический принцип построения ее структуры.

Восьмая глава представляет результаты построения опросника для измерения СЭБ на основании разработанной модели. Опросник включает интегральную шкалу уровня СЭБ, а также пять коррелирующих между собой шкал: экономического оптимизма/пессимизма; экономической тревожности; субъективной адекватности дохода; финансовой депривированности; текущего благосостояния семьи. В главе описаны процедуры определения надежности и валидности

опросника. При валидации опросника установлено, что респондентов с высоким баллом (по сравнению с низким) отличает высокая оценка собственного дохода, удовлетворенность финансовым положением, меньший акцент на значимости ценности материальной обеспеченности, высокая самооценка, интернальность в объяснении причин экономических достижений и экономическая самоэффективность, а также удовлетворенность жизнью.

В девятой главе на материале эмпирических исследований раскрывается природа СЭБ как полифеноменологического образования, содержание и специфика которого определяются закономерностями организации его структурных составляющих. Это – нередуцируемость уровня к аддитивной совокупности входящих в его состав компонентов; детерминация уровня эффектами системной интеграции его компонентов (эмерджентность), существование в структуре «общего» и «специфических» факторов.

Последняя (десятая) глава посвящена типологии СЭБ, опирающейся на структурно-уровневую концепцию, и результатам ее эмпирической валидации. Описываются основания типологии и экономико-психологическая характеристика выделенных типов – «финансовая зависимость», «экономическая депрессивность», «финансовая терпимость», «экономическая устойчивость». Проведен анализ взаимосвязи указанных типов и удовлетворенности жизнью. Изложены результаты исследования роли экономического самосознания в формировании типов СЭБ.

И последние. Вопросы, рассмотренные в этой книге, не исчерпывают всех аспектов содержания нового научного направления, обозначенного в ее названии. «Психология экономического благополучия» объединяет основной, в моем представлении, круг явлений, связанный с отношением человека к экономическим условиям жизни (доходу, деньгам, сбережениям, собственности, уровню потребления, материальной обеспеченности, способам зарабатывания денег и др.), а также совокупность психологических механизмов, которые определяют их значение для благополучия человека. Проблема СЭБ, которой посвящена данная книга, является центральной для всей этой обширной экономико-психологической феноменологии. Как психологическое понятие СЭБ не только отражает реальную роль экономических условий, факторов, феноменов в жизнедеятельности человека, но и самооценку личности, обеспечивающую успешное и позитивное ее функционирование. В экономическом плане – это универсальный инструмент для измерения эффективности эконо-

мической политики государства, объективный психологический индикатор экономического развития страны. Отмеченное выше сделало возможным ограничить эту книгу обсуждением проблемы субъективного экономического благополучия.

Теоретические и эмпирические исследования, представленные в издании, могут представлять интерес и для специалистов других областей психологической науки – психологии личности, социальной психологии, психологии развития и других. В то же время междисциплинарный характер проблемы указывает на полезность ее изучения для экономической и социологической науки. Нельзя не подчеркнуть практическую востребованность исследований СЭБ, прежде всего его мониторинга в критические (или кризисные) периоды развития общества, когда детерминированность явлений обыденного экономического сознания общим контекстом трансформационных процессов социальной жизни резко возрастает.

Раздел I

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

ГЛАВА 1

Субъективное экономическое благополучие: феномен и понятие

Человек не хочет быть богатым,
он просто стремится быть богаче других.

Джон Стюарт Милль

Субъективное экономическое благополучие: феномен и проблема

Стремление к счастью лежит в основе успешной, полноценной жизни, позитивного функционирования и развития человека и его общностей. Все люди хотят быть счастливыми, и это, наверное, одно из самых первых и заветных желаний человека. Однако знаем ли мы, что делает нас счастливыми? Известно, что на полноту ощущения счастья влияют различные аспекты жизни – религия, досуг, удовлетворенность трудом, чувство юмора, искусство, занятия спортом, социальные нормы и еще многие другие обстоятельства. Существует ли какая-либо связь между достатком и благополучием? Можно ли за деньги «купить» счастье? На самом ли деле психологическое благополучие человека напрямую зависит от его материального преуспевания или высокого уровня потребления (или, по крайней мере, связано с ним) или же это не так? Этими фундаментальными вопросами на протяжении веков задаются ученые, а также простые люди. Во все времена мыслители полемизировали между собой о том, что такое счастье, как оно достигается и что делает людей счастливыми или несчастными. По сути, природа счастья прямо или косвенно является центральным вопросом любой философской системы. Одним из первых эту проблему исследовал Аристотель, определивший счастье как «деятельность души в полно-

те добродетели», которая и ведет к счастью. Еще Демокрит полагал, что счастье подразумевает не только доброе расположение духа, внутреннюю гармонию, симметрию и уравновешенность, но и непременно материальный достаток. В то же время факты убеждают, что счастье не всегда напрямую зависит от уровня дохода или здоровья, которые относятся к объективным показателям и применимы в изучении исторической динамики социального благополучия. В историко-научной перспективе взгляды на проблему взаимосвязи счастья и благосостояния развивались в контексте философского знания, где отразилось противоборство двух основных точек зрения – гедонизма и эвдемонизма. Гедонизм прямо указывал на то, что стремление к удовольствию является высшим благом и основой поведения человека и предполагает удовлетворение его желаний, которое невозможно без материального достатка. Концепция счастья – эвдемонии – наоборот, обосновывала стремление человека соответствовать своему предназначению или «подлинному Я». Последнее обретается путем развития его потенций и лишь косвенно связано с материальным благополучием: человек стремится не к удовольствию, которое – лишь результат удовлетворения его желаний, а к постижению смысла своей жизни. Возникнув в недрах древнегреческой философии, идеи гедонизма и эвдемонизма определили, по существу, два основных взгляда в психологической науке на природу связи благополучия и благосостояния: потребностный и ценностно-смысловой (Waterman, 1993; Ryff, Singer, 2008; Леонтьев, 2007)*. Принцип гедонизма получил дальнейшее развитие в концепциях бихевиоризма, психоанализа и дал название отдельному направлению современной психологии – гедонистической. Традиции эвдемонизма нашли свое отражение в гуманистической, экзистенциальной и позитивной психологии, не только в теориях личности (Allport, 1961; Erikson, 1959; Frankl, Larsch, 1959/1992; Maslow, 1968; Rogers, 1962; Waterman, 1993), но и в сугубо психологической теории субъективного благополучия (Diener, 1984; Ryff, 1989, 1995; Ryff, Singer, 2008), а также в концепциях «аутентичного счастья» (Seligman, 2002, 2011) и самодетерминации (Ryan, 1995; Deci, Ryan, 2000; Ryan et al., 2008).

---

* В последние годы все больше ученых высказывают обоснованные аргументы в пользу необходимости объединения эвдемонических и гедонических аспектов благополучия человека (Biswas-Diener, Kashdan, King, 2008; Vittersø, Kopperud, 2008, 2010; Seligman, 2011).

Надо признать, что в обыденном сознании связь материальных аспектов жизни и благополучия человека признается как достаточно очевидная: счастливая жизнь связывается с наличием материальных благ, достатком, отсутствием нужды, зажиточностью и даже богатством. Опросы, проведенные в разных странах, показывают, что на вопрос «Что сделало бы вашу жизнь лучше, счастливее?» самый популярный ответ – «Большее количество денег». Самое примечательное, что этот ответ характерен для самых разных по уровню благосостояния групп населения. В благополучных западных странах (Campbell, 1981) и в странах Восточной Европы более 80% респондентов хотели бы быть богаче или иметь больший доход. Для жителей России это цифра еще выше – 98% опрошенных жителей Московского региона (заметим, самого экономически благополучного в России) не удовлетворены своим финансовым положением и хотели бы повысить доход в среднем в 5 раз (Хашенко, 2009). Иными словами, желание располагать большим количеством денег сохраняется как мощный мотив в достижении счастья для людей независимо от уровня их достатка: для богатых и бедных, обеспеченных и нуждающихся.

В русском языке благополучие трактуется как жизнь в довольствии, полная обеспеченность (Толковый словарь русского языка..., 2007). Семантическое поле слов, отражающих материальные аспекты благополучия, очень значительно и разнообразно. Очень широко в языке представлены термины, характеризующие различия в имущественном положении человека. Наиболее часто употребляется ряд прилагательных, большинство из которых – для дифференциации материальной необеспеченности: бедные, нуждающиеся, нищие, необеспеченные и т. п. (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2003). Очевидно, этот факт отражает не только культурную специфику жизненного опыта народа, но и, безусловно, свидетельствует о более высокой субъективной значимости различия проявлений имущественного неблагополучия в жизни человека.

Нельзя не заметить, что существует множество народных пословиц, смысл которых сводится к тому, что «за деньги счастья не купишь». Однако большинство людей говорят и ведут себя так, будто считают, что деньги могут принести существенно больше радости и удовлетворения в жизни (т. е. счастья), чем что-либо другое. Если народная мудрость утверждает, что за деньги счастья не купишь, тогда почему в жизни мы наблюдаем иную картину? Ответ на этот вопрос не столь однозначен, как может показаться. Возможно, ко-

нечно, кто-то прямо руководствуется верой в то, что высокий доход сделает его жизнь счастливее, разнообразней, интересней и радостней. И следует признать, что идеал материального преуспеяния является одним из самых разделяемых в разных культурах и странах, несмотря на их различия (Inglehart, 1990, 1997; Хашченко, 1997, 1998; Журавлева, 2006). Может быть, существуют иные обстоятельства, которые определяют ценность увеличения дохода, даже если он и не делает нас счастливее. Важно подчеркнуть, что материальное благополучие не является единственно значимой из всего многообразия смыслообразующих ценностей жизни, которые устанавливает для себя человек. Но даже когда мы придаем большую роль иным причинам достижения счастья, существование системы монетарного регулирования нашего поведения – повседневных или периодических денежных выплат и постоянных трат, во многом подчиняет себе наш ритм жизни, заставляя нас придавать большее значение размеру получаемого дохода. Безусловно, наши ценностные ориентации могут входить в кажущееся или реальное противоречие с мотивами и потребностями человека, играющими ведущую роль в возникновении желания стать богаче. К ним можно отнести, например, стремление быть внешне привлекательным или управлять окружающими людьми, которое во многом опирается на деньги. Иными словами, деньги способны выступать в качестве важного ресурса социального влияния на окружающих (Ahuvia, 2008). Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, вопрос о том, нельзя или все-таки можно купить счастье за деньги, как для обычных людей, так и для современной науки остается пока открытым (Headey et al., 2005; Diener et al., 2010).

Счастье, по сути дела, – многоаспектный феномен, имеющий давнюю историю, и междисциплинарный характер изучения. Именно в силу своей сложной природы он стал предметом исследования и теоретических обобщений в гуманитарной науке. Существует обширная философская, литературоведческая, культурологическая, социологическая, богословская литература о счастье. До середины 1960-х годов проблематика счастья была обделена вниманием психологии и экономической науки. Исследование этой проблематики в контексте психологического знания получило бурное развитие лишь в последние несколько десятилетий. Науки интерпретируют проблему счастья в свойственном им ключе. Психология традиционно сосредоточивает внимание на ее субъективных (когнитивных и аффективных) составляющих – оценках, эмоциональных

откликах и ценностных переживаниях людей. В экономике интерес исследователей фокусируется на анализе средовых факторов счастья: уровня доходов, потребления, безработицы, доступности учреждений здравоохранения, системы социального обеспечения, неравенства доходов, уровня бедности и т. д. Одним из главных в науке считается вопрос об операционализации и измерении счастья. После продолжительных дискуссий за условную меру счастья была принята характеристика субъективного благополучия, связанная с удовлетворенностью жизнью и положительными эмоциями. В психологической литературе понятие субъективного благополучия (subjective well-being) трактуется как позитивный или негативный личный жизненный опыт человека, который включает такие элементы, как положительные и негативные эмоциональные состояния, оценки удовлетворенности жизнью и субъективное ощущение человеком того, что он руководствуется смыслом жизни (Argyle, 1996; Diener, 2000; Kahneman et al., 2006; Davern et al., 2007; Ahuvia, 2008; Huppert et al., 2005).

Субъективное благополучие наиболее часто определяют как: состояние счастья, здоровья, «свободы от желаний»; результат продолжительной социализации и процессов развития и одновременного влияния окружающей среды; композицию удовлетворенности различными аспектами жизни; степень, с которой удовлетворяются базовые потребности личности (Zimmerman, 1995). В иных определениях субъективное благополучие ограничивают состоянием удовлетворенности в шести внутренне связанных областях жизни, составляющих субъективное благополучие: работа, финансы, жилище, здоровье, отдых и среда проживания (Fletcher, Lorenz, 1985; van Praag et al., 2000). Значение исследования данного феномена заключается в том, что он рассматривается как интегральный психологический показатель жизни человека. При этом обычно подчеркивается близость явлений субъективного и психологического благополучия, субъективного качества жизни, общей удовлетворенности жизнью, а также счастья и ментального здоровья (Argyle, 1996, 1999; Campbell et al., 1976; Campbell, 1981; Cummins, 2000; Diener, 1984, 2000; Diener, Seligman, 2004; Diener et al., 2009, 2010; Helliwell, 2003; Huppert et al., 2005; Huppert, Linley, 2011; Kahneman et al., 1999; Layard, 2005; Veenhoven, 1988, 1997, 2000). Несмотря на разную природу этих конструктов, они часто используются как синонимичные, так как основываются на измерении одних и тех же интегральных показателей – общей удовлетворенности жизнью,

позитивных и негативных аффектов. В других подходах субъективное благополучие рассматривается только как компонент качества жизни, наряду со счастьем и самочувствием, т. е. как неосознанное переживание, недифференцированное эмоциональное состояние человека или как аффективный компонент его отношения к жизни. Существует понимание природы благополучия как результата оценивания «расхождения между ожиданиями и достижениями человека» (Michalos, 1985; Headey, 1993). Здесь учитывается перспектива ожидания, или, иначе говоря, анализируется, что более важно для человека – достижение благополучия сегодня или завтра.

Одно из критических замечаний относительно понятия субъективного благополучия состоит в том, что оно не основано на продуманной теоретической концепции (Ryff, Keyes, 1995; Vittersø et al., 2010). Его измерения фактически почти случайны и базируются на оценках респондентов. Вместо строгого теоретического определения модели измерения и разработки соответствующего метода оценки, компоненты субъективного благополучия выделены эмпирическим путем. В результате определение субъективного благополучия не является ни философски глубоким, ни по-настоящему психологически продуманным (Vittersø, 2003) и игнорирует жизненно важные смыслообразующие составляющие, такие как смыслы, цели жизни и личное самовыражение (McGregor, Little, 1998; King, Napa, 1998; Waterman, 1993). Э. Динер, однако, утверждает, что строгие теоретические основы для определения благополучия не обязательны, так как оно определяется самими респондентами, и поэтому не важно, является ли оно продуманным или нет с точки зрения науки. По данным исследования, такой подход показывает, что «большинство людей счастливы» (Diener et al., 1995). Хотя иногда кажется, что этот вывод несколько противоречит очевидному факту популярности в обществе многочисленной психологической литературы, содержащей советы как быть счастливым, которые можно свести к простой формуле «помоги себе сам».

Тем не менее, эмпирические исследования демонстрируют прочную взаимосвязь благополучия с удовлетворенностью наиболее значимыми сферами жизни (социальной, трудовой, образовательной, межличностной, семейной, сексуальной и личной), с одной стороны, и с психологическим дистрессом – с другой (Diener et al., 1985, 2000; Diener, Biswas-Diener, 2008; Heady, Wearing, 1987). На субъективное благополучие значительное влияние оказывают личностные черты и особенности самосознания (самооценка, оптимизм, наличие

жизненных целей, идентичность), а также культурные различия (Argyle, 1999; Abbott et al., 2008; Huppert, Plagnol, 2010). Сложность и многоаспектность характера связей между различными показателями субъективного благополучия выражается также в том, что они подвержены возрастным и половым различиям.

Анализ существующих научных представлений о природе субъективного благополучия показал, что его многомерность и многоаспектность, обусловлена, с одной стороны, интегральным, многоуровневым характером, с другой – разнообразием типов и видов его проявлений. В последнее время подчеркивается необходимость выделения разных видов субъективного благополучия – текущее и глобальное благополучие (Kahneman et al., 1999), удовлетворенность жизнью, позитивные переживания и негативные чувства (Diener et al., 2010). В структуре субъективного качества жизни выделяют психологическое, социальное, экономическое, социально-психологическое благополучие, а также качество жизни, обусловленное здоровьем (health-related quality of life) (Левыкин, 1987; Veenhoven, 1997; Kroll, 2011; Land et al., 2012; Хашченко, Баранова, 2004). В современной экономической литературе наиболее признана модель субъективного благополучия человека как явления общей удовлетворенности жизнью, структуру которого составляют частные оценки удовлетворенности наиболее важными ее аспектами – работой, финансами, семьей, здоровьем, жильем, досугом и т. п. (см., например: van Praag et al., 2000; Easterlin, 2006).

В мировой психологии – преимущественно американской и западноевропейской – активные исследования субъективного благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью ведутся уже на протяжении последних четырех десятилетий (Huppert et al., 2009). В отечественной психологии этой проблеме до сих пор уделяется недостаточно внимания, что следует признать серьезным упущением, хотя в последние годы картина стала изменяться в лучшую сторону – выполнен ряд интересных и глубоких исследований (см., например: Баранова, 2005; Бахарева, 2004; Бочарова, 2005; Бучацкая, 2006; Воронина, 2002; Гриценко, 2004; Джидарьян, 2001; Джидарьян, Антонова, 1995; Леонтьев, 2007; Муздыбаев, 2005; Перова, Ениколопов, 2009; Пучкова, 2003; Савченко, Головина, 2006; Фоломеева, 2004; Фесенко, 2005; Шамионов, 2004; Шевеленкова, Фесенко, 2005; Фетискин и др., 2002; и др.). Исследователи все чаще проявляют интерес к исследованию отдельных видов благополучия. Отметим, что среди них наиболее интенсивно изучаются психологическое

благополучие (Bradburn, 1969; Diener, 1984; Diener, Biswas-Diener, 2008; Ryff, 1989; Ryff, Keyes, 1995; Ryff, Singer, 2008; Ryan, Deci, 2001; Waterman, 1993) и благополучие, связанное со здоровьем человека (Frijters et al., 2005; Gardner, Oswald, 2007; Smith et al., 2005; Drukker et al., 2004; Drukker et al., 2007). Призыв отдельных ученых (Strümpel, 1974; Campbell, 1974; van Praag, 1971) выделить исследования СЭБ в качестве самостоятельного научного направления получил отклик лишь на рубеже XXI в. СЭБ и его отдельные составляющие все чаще рассматриваются не только как ведущие предикторы субъективного качества жизни (Ravallion, Lokshin, 1999, 2002; Hayo, Seifert, 2003; Land et al., 2012; Уланова, 2003, 2007), но и как отдельный тип субъективного благополучия человека (Diener et al., 2010).

Проблема взаимосвязи материального благополучия и счастья, безусловно признаваемая одной из самых значимых, характеризующих целостное бытие человека, лишь относительно недавно – с конца 1960-х годов стала подвергаться систематическому научному изучению и измерению. Проведено значительное число исследований отношения между доходом и субъективным благополучием (см. обзор ниже). Авторы большинства исследований пришли к выводу, что между уровнем дохода и общей удовлетворенностью жизнью существует неустойчивая и достаточно парадоксальная связь. Современная экономическая и психологическая наука до сих пор не нашла однозначного ответа на вопрос, так ли это.

В литературе описаны противоречивые данные, названные по имени исследователя, впервые его описавшего, *парадоксом Истерлина* (Easterlin paradox) (Easterlin, 1995, 2001a, b). Суть его заключается в том, что люди с более высокими доходами чаще более счастливы, однако при сравнении уровня счастья между странами не фиксируется его увеличения по мере роста национального дохода на душу населения. Р. Истерлин предположил, что народы не отличаются по уровню благополучия при социальном сравнении – люди сопоставляют себя с другими по такому признаку, как доход. Хотя в каждой стране богатые люди, похоже, более счастливы, чем бедные, уровень благополучия в среднем у любой нации должен быть нейтральным, потому что одна половина людей имеет уровень выше, а другая – ниже среднего уровня. Исследования демонстрируют, однако, иные закономерности, нежели описанные Истерлином (Veenhoven, 2008; Veenhoven, Hagerty, 2006). Большинство людей имеют уровень субъективного благополучия несколько выше нейтрального уровня благополучия. Например, в США более 85% лю-

дей отмечают позитивный уровень субъективного благополучия (Diener, 2000). В некоторых сферах жизни, таких как семья, удовлетворенность может быть еще выше. Большинство людей счастливы, несмотря на разницу в их социальных и экономических условиях жизни, что, безусловно, примечательно, однако более удивителен другой факт – люди с физическими нарушениями или хронически умственно больные также имеют субъективное благополучие выше нейтральной точки. Репрезентативные опросы, проведенные в индустриально развитых странах, воссоздают тот же результат – в большинстве стран уровень субъективного благополучия немного выше среднего уровня благополучия. До конца неизвестно, почему большинство людей указывает на позитивный уровень субъективного благополучия – потому ли что имеют хорошие условия жизни или потому что обладают врожденной установкой отмечать только позитивные моменты в собственной жизни (Diener, 2000). Необходимо подчеркнуть, что феномен субъективного благополучия является многофакторным явлением, где тесно переплелись культурные, социальные, психологические, экономические и духовные предпосылки. Многие считают, что сложная природа этого явления – результат влияния не только социальной среды и особенностей индивидуального развития, но и – генетической обусловленности уровня эмоциональных переживаний (DeNeve, Cooper, 1988; Diener, 2000; Diener et al., 2003; Weiss et al., 2008). Люди часто, давая суждения о своей жизни, оценивают то, что случается с ними, в терминах либо «хорошо», либо «плохо». Кроме того, они всегда испытывают чувства или эмоции, которые приносят удовольствие, когда они приятны, сигнализируя о позитивной реакции, или неудовольствие, информируя о негативной. Предположительно, люди имеют определенный индивидуальный уровень субъективного благополучия даже тогда, когда они об этом не думают, и их психологическая система содержит виртуальную константу оценки того, что с ними происходит (Fujita, Diener, 2005). Парадоксальным является также тот факт, что люди чувствуют себя менее счастливыми в прошлом и более счастливыми в будущем, хотя в настоящем их оценки собственного благополучия в среднем мало изменяются в течение всей жизни (Easterlin, 2001a, 2006).

Несмотря на критику теории Истерлина, большинство ученых тем не менее полагают, что объективный достаток все-таки является очень значимым аспектом субъективного благополучия человека (Kahneman et al., 2006; Frijters et al., 2004; Veenhoven, Hagerty, 2006).

В последнее время интерес к «экономике» счастья не спадает, что отражается в росте числа публикаций в ведущих экономических журналах, посвященных проблемам субъективного благополучия и его объективных экономических и неэкономических детерминант, таких как бедность, временная потеря трудоспособности, безработица, потеря социальных связей и др. (Dolan et al., 2008). Вместе с тем также ясно и то, что счастье может быть обусловлено причинами неэкономического характера – особенностями межличностных отношений, состоянием здоровья – и весьма слабо зависит от объективного материального достатка или финансового положения человека (Diener, 2000; Diener, Seligman, 2004; Diener et al., 2009; Diener et al., 2010).

По мнению большинства специалистов, проблема субъективного благополучия, рассматриваемая в контексте благосостояния (*welfare*), особенно актуальна для «небогатых» стран. В исследованиях, проведенных в ряде стран Восточной Европы, в России, а также Латинской Америке, установлено, что оценка человеком собственного материального благосостояния, прежде всего дохода, является ведущим критерием восприятия жизни в целом и объясняет значительную часть вариаций общей удовлетворенности жизнью (Hayo, Seifert, 2003; Verbič, Stanovnik, 2006; Ferrer-i-Carbonell, van Praag, 2002; Ferrer-i-Carbonell, 2005; Clark, Maurel, 2001). В исследовании, анализирующем национальные различия в причинах благополучия на основе результатов опроса населения 97 стран за период 2005–2007 гг., выявлено, что богатство выступает ведущим предиктором оценок людьми удовлетворенности жизнью, а бедность главным образом связана с переживаниями ими несчастья (Minkov, 2009, 2010). В России как государстве с невысокими доходами у большинства населения деньги являются очень существенным аспектом жизненной сферы (Угланова, 2003; Ferrer-i-Carbonell, van Praag, 2001), а экономическое благополучие – ведущим компонентом в структуре субъективного качества жизни различных групп населения, и в первую очередь молодежи как наиболее восприимчивой к идеалу материального преуспеяния (Баранова, 2005).

По данным социально-психологических исследований и социологических опросов (Андреев, 2003; Бичуг, 2002; Бондаренко, 1998; Васина, 1993; Вишневский, Шапко, 2000; Карпухин, 2000; Лапин, 1996, 1999; Лебедева, 2000; Морозова, 2000; Соколов, Щербакова, 2003; и др.) можно сделать вывод о высокой значимости материальной сферы и потребления как элемента ценностной структуры личности современных молодых людей. В этих фактах отражаются

общие социально-психологические процессы, происходящие в современном российском обществе, в первую очередь касающиеся проблем социализации молодежи. Поскольку процесс взросления респондентов проходил в обстановке радикально меняющегося общества, подобное обстоятельство не могло не повлиять на формирование их мировоззренческих установок и ценностных ориентаций. Полученные результаты указывают на то, что сфера материальных благ актуальна и насущна для современной молодежи. Данные, полученные в наших и других исследованиях в 2000–2010 гг. показывают, что фактор удовлетворенности материальными условиями жизни объясняет от 24,5% (Углова, 2003) до 38% (Хашенко, 2005) различий в общей удовлетворенности жизнью. В других возрастных категориях населения его вклад может быть даже выше.

В науке существует достаточно много примеров того, что субъективные оценки благосостояния не является простым отражением (или слепком) материальных условий жизни.

Исследования в западных странах обнаруживают, что люди с объективно хорошими условиями жизни могут быть не удовлетворены ими и, наоборот, люди с плохими условиями жизни могут быть ими вполне удовлетворены (Easterlin, 1974, 1995, 2001a; Glatzer, 2000). Одно из объяснений этого явления связано с тем, что люди рассматривают свои условия жизни не изолированно, а сравнивая их с теми, в которых живут окружающие (Campbell et al., 1976; Easterlin, 1974, 2001a). Это сопоставление не ограничивается сравнением с соседями или коллегами по работе, но рассматриваются условия жизни и в других регионах и даже странах. При этом сопоставление не статично (Easterlin, 1974, 1995, 2001a) – люди сравнивают также и скорость изменения их благосостояния относительно материального положения других людей. Кроме того, люди часто руководствуются своими ожиданиями его изменения в будущем, создавая позитивный или негативный образ ожидаемого экономического благосостояния (Katona, 1975; Hirschman, Rothschild, 1973). Даже когда материальные условия жизни ухудшаются, некоторые люди могут чувствовать себя экономически относительно благополучно только потому, что полагают, что изменения их коснулись незначительно. С одной стороны, индивидуальные стабильные условия жизни могут быть причиной неудовлетворенности человека – когда он констатирует, что условия жизни вокруг него улучшаются. С другой стороны, сравнение текущих неустойчивых условий жизни со стабильными условиями в прошлую социалисти-

ческую эпоху особенно важно для населения стран Восточной Европы с трансформирующейся социально-экономической системой, к которым относится и Россия (Rose, Mishler, 1994). Всероссийский центр изучения общественного мнения совместно с консорциумом «Евразийский монитор» провели в 2009 г. исследование материального положения семей в республиках бывшего Советского Союза. Были получены парадоксальные результаты. Оказалось, что самые негативные оценки своего материального положения дают жители Украины и Молдавии. В этих странах очень плохим и плохим свое материальное положение считают 53% и 47% опрошенных соответственно. Кроме этих стран, материальным положением своих семей не удовлетворены жители Армении, Латвии и Грузии. Самое удивительное, что наиболее обеспеченные, по мнению самих опрошенных, семьи, как выяснилось, живут в наиболее бедных странах – Киргизии, Узбекистане и Таджикистане. Материальное положение своей семьи наиболее высоко оценивают жители Киргизии – более половины опрошенных в этой стране считают, что оно очень хорошее или хорошее (51%). Этот показатель также высок в Узбекистане (44%) и Таджикистане (34%). В таком случае не совсем понятно, почему представители этих государств, при столь выраженном СЭБ и достатке (если судить по опросам), составляют основную массу легальных и нелегальных мигрантов в России, соглашаясь на любые заработки и виды деятельности. Характерно, что в России большинство (59%) опрошенных респондентов считают свой материальный достаток средним, а низким – только 26%*. В этой связи можно предположить, что оценки человеком экономической ситуации в семье зависят от эталонов, с которыми производится сравнение. Если жители центрально-азиатских стран сравнивают себя, как правило, с небогатыми и незажиточными странами (в лучшем случае с Россией, опыт пребывания в которой многие из них имеют), то россияне – с жителями европейских стран. Наблюдается парадоксальная ситуация – с одной стороны, жители беднейших стран выражают полную удовлетворенность своей жизнью, с другой – большинство населения бывших советских республик связывает жизнь в условиях кризиса с ухудшением и туманными перспективами.

---

* Этот результат практически совпадает с нашими данными, полученными в 2000–2009 гг. В Московском регионе число опрошенных респондентов, которые считают свой материальный достаток средним, составило 58,4%, а низким, соответственно – 27,8% (Хашченко, 2011в).

Причины неоднозначной связи между материальным достатком и субъективным благополучием человека лежат в самой природе последнего – оно определяется в терминах внутреннего опыта человека. Это означает, что более существенным, с точки зрения людей, является не их объективное материальное положение, а то, какое субъективное значение оно имеет для человека и как оно им оценивается. Именно феномен отношения к собственному материальному положению, включающий ценностно-смысловые, потребностно-мотивационные, когнитивные и эмоционально-оценочные аспекты, и определяет роль и значение материального достатка для психологического благополучия или счастья человека. Этот феномен мы определяем как *субъективное экономическое благополучие* (СЭБ).

СЭБ выполняет важнейшую роль в жизнедеятельности человека. Во-первых, оно отражает социально-экономические условия жизни личности, социально-экономическую макро- и микросреду. В проведенном нами исследовании СЭБ изучается на уровне личности (микроуровень), но его результаты могут быть перенесены и на мезо-, и на макроуровень. Во-вторых, СЭБ служит психологическим регулятором экономической активности человека, основанием для формирования экономической идентичности личности. В-третьих, СЭБ выступает критерием состояния процессов экономико-психологической адаптации людей к изменяющимся социально-экономическим условиям жизнедеятельности.

Субъективное экономическое благополучие как предмет междисциплинарного исследования

Отношение людей к собственным материальным условиям жизни мы обозначаем понятием *субъективное экономическое благополучие* (subjective economic well-being). Оно определяет то, как люди оценивают свою жизнь, и включает такие переменные, как оценка благосостояния, удовлетворенность доходом и/или жильем, позитивные и негативные аффективные состояния и эмоции как проявления совокупного экономического стресса. Отношение человека к материальным условиям жизни может быть в форме когниций, когда человек дает сознательные оценочные суждения (согласно субъективно определяемым стандартам) о различных материальных аспектах жизни в целом или каких-то отдельных ее сторонах, например, о работе или досуге. Оно также может быть представлено в форме аффектов – люди переживают приятные или неприятные состояния,

экономический стресс, напряжение (как позитивный или негативный эмоциональный опыт) в качестве реакции на реальные финансовые проблемы и трудности или ожидания их изменения в будущем. Таким образом, СЭБ является интегральным показателем восприятия и переживания людьми материальных условий жизни, который выражается в оценке уровня жизни и эмоциональном благополучии в экономической области жизни. Последнее означает эмоциональное качество индивидуального опыта – характер и интенсивность переживания стресса, тревоги и в целом фрустрированности материальными и финансовыми сторонами жизни, которое характеризует экономическое самочувствие и финансовое здоровье человека.

По сравнению с другим сходным понятием – *благополучием* (*welfare*), акцентирующим объективную сторону жизни человека, т. е. совокупность определяющих уровень жизни социально-экономических условий как обстоятельств, находящихся вне непосредственного контроля, в понятии *субъективное экономическое благополучие* подчеркивается субъективно-оценочная природа переживаемого состояния. Оно отражает жизненные стандарты, потребности и ценности самого человека, а не представление об их соответствии или несоответствии экономическим нормативам (прожиточному минимуму, потребительской корзине или уровню бедности), установленным государством или каким-либо его институтом. Именно различия в природе этих явлений – внешней или внутренней относительно самого человека – дифференцируют понятия объективного и субъективного экономического благополучия, объективной или субъективной бедности и т. д. В то же время нельзя не отметить стремление экономической науки к более широкой трактовке сущности категории благополучия. Благополучие определяют как характеристику, включающую в себя не только материальные условия существования человека и предоставляемые ему духовные блага, но и субъективное осознание индивидом (членами домохозяйства) степени его удовлетворенности собственной жизнью как на сознательном, так и на подсознательном уровне (Торопова, 2009). Такой подход фактически сближает понятия благополучия и экономического благополучия.

Материальное благополучие часто раскрывается через такое синонимичное понятие как *уровень жизни* (или жизненный стандарт) и определяется степенью удовлетворения жизненных потребностей людей или мерой потребления материальных благ и услуг. Уровень материального благополучия людей измеряется либо величиной их дохода или ВВП на душу населения и др., либо с помощью пока-

зателей уровня потребления. Жизненный стандарт как нормативный или желаемый уровень потребления товаров и услуг в данном обществе может отличаться от фактического его уровня. Предпринимаются попытки качественного определения уровня благосостояния через уровень материального потребления. Например, жизненный минимум отражает совокупность материальных благ, необходимых для воспроизводства физических сил и работоспособности человека. Иногда предлагают следующее различие уровней благосостояния: *достаток* – пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека; *нормальный уровень* – рациональное потребление по научно обоснованным нормам, позволяющее человеку восстанавливать его физические и интеллектуальные силы; *бедность* – потребление благ на уровне сохранения работоспособности на нижней границе воспроизводства рабочей силы; *нищета* – минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых дает возможность лишь поддерживать жизнеспособность человека. Иногда выделяют только богатство и его противоположность – бедность. Под богатством понимают изобилие у человека или общества материальных и нематериальных ценностей, таких как деньги, средства производства, недвижимость или личное имущество. К признакам богатства также относят привилегированный доступ к здравоохранению, образованию и культуре. Часто определение богатства носит относительный характер, который предполагает сравнение материальных благ с неким социальным стандартом: богатым считается тот человек, который обладает значительными ценностями по сравнению с другими членами общества. В экономике определение богатства чаще носит абсолютный характер – как разница между активами и пассивами на данный момент времени.

Близким к понятию экономического благосостояния является означающее доступность для человека экономических ресурсов понятие «экономическое благополучие» как ключевая мера общественного благополучия (Osberg, Sharpe, 2002, 2009). Полагают, что доход (национальный или семейный) – не обязательно адекватный, а тем более единственный индикатор экономического благополучия, которое обязательно включает социальные и субъективные индикаторы. Благополучие имеет разные измерения и индивиды различны (и имеют на это моральное право) в своей субъективной оценке относительной важности каждого измерения. Благополучие индивида зависит не только от реализации принципа социальной

справедливости и минимума материального обеспечения в обществе, но и от успешности выполнения его жизненных планов. В целом индивидуальное благополучие можно определить как функцию факторов, создающих окружение (среду) индивида, где наряду с объективными факторами, очень важно оценочное отношение индивида к своей жизни, ценностной ориентации и воли к реализации целей.

Феноменология СЭБ, отражающая оценку человеком различных аспектов собственного материального положения и его экономическое самочувствие, еще не стала объектом систематического изучения. Наука обратила внимание на проблему СЭБ как самостоятельную в связи с разработкой парадигмы измерения качества жизни и, как следствие, поиском не экономических, а психологических индикаторов объективных социальных и экономических изменений в современном мире, необходимостью теоретической валидизации и фиксации наиболее важных тенденций его развития. Потребность в разделении объективного и субъективного экономического благополучия назревала по мере обнаружения и накопления фактов несовпадения реального экономического благосостояния и его оценок. Безусловно, интерес к СЭБ в последнее время существенно возрос также в силу ярких трансформационных процессов и их последствий, характерных для стран Восточной Европы, России и ее бывших республик. Преобразования были направлены на переход от социалистической системы к новой, отражающей западную экономическую модель, основанную на демократии и рыночной экономике. Последняя рассматривалась как прямой путь к материальному процветанию. Однако вместо быстрого роста уровня жизни реформы принесли экономические трудности: спад промышленного производства, рост безработицы, высокую инфляцию, неравенство доходов, снижение оплаты труда и в целом ухудшение условий жизни. Но общие закономерности нашли разное отражение в оценках благополучия населения в этих странах – их динамика носит яркую национальную дифференциацию (Hayo, Seifert, 2003; Graham et al., 2004). Данные факты вызвали настоятельную потребность их научного осмысления в рамках понятия СЭБ. Нельзя не отметить и значение такого фактора как мировой экономической кризис, который ярко показал существенную роль психологических факторов экономического, прежде всего финансового поведения людей, не объяснимого с точки зрения «теорий экономической полезности или рациональности», а наоборот им противоречащего.

В настоящее время изучение СЭБ представляет собой весьма эклектичную междисциплинарную область исследований в экономике и психологии, специфическое содержание и границы которой определены нечетко, но затрагивают широкий круг вопросов, включая оценку уровня жизни человека, соотношение объективно измеряемого материального положения и его субъективных оценок, нахождение неэкономических индикаторов благосостояния личности и др. Если обратиться к различным научным источникам, мы обнаружим, что проблематика СЭБ представлена в широком спектре научных направлений – от исследований влияния дохода на субъективное благополучие (или счастье) до исследований соотношения субъективных и объективных индикаторов благосостояния и субъективного качества жизни; от психологии бедности и богатства до изучения материализма как смыслообразующей ориентации личности^{*}; от вопросов экономико-психологической адаптации и экономической депривации в результате рыночных реформ до вопросов отношения к деньгам и денежного поведения. Все эти предметные области изучаются многопланово, включая процессы восприятия и оценивания материальных условий жизни, атрибутивные и идентификационные явления. Эклектизм исследований отражает, с одной стороны, многомерность и многоаспектность проявления самого феномена СЭБ, а с другой – отсутствие четкого теоретического представления о его специфическом содержании и структуре в отличие, например, от психологического благополучия (Ryff, 1989, 1995; Ryff, Keyes, 1995). Тем не менее, в большинстве исследований (см., например: Науо, Seifert, 2003; Ferrer-i-Carbonell, van Praag, 2001) основное внимание уделяется не феномену как таковому, а его эмпирическим проявлениям, «индикаторам», что, безусловно, важно, но представляется нам явно недостаточным. Необходимо изучение психологической картины явления. Во многом отсутствие психологической концепции СЭБ является основным теоретическим барьером для развития рассматриваемой области научного знания, которое тем не менее развивается в последнее время быстрыми темпами, правда, не всегда в ясном направлении.

* В отечественной научной литературе термин «материализм» еще не получил однозначного толкования. Наряду с ним можно встретить такие сходные понятия, как «ориентация на вещизм», «ориентация на потребление» и «ориентация на материальный интерес». Раскрывая психологическое содержание каждой ориентации, они дополняют друг друга, поэтому в данной работе эти термины используются как синонимичные.

Категория СЭБ не относится к числу строго разработанных научных понятий. Долгое время само понятие считалось прерогативой только экономической науки, где материальное благополучие рассматривается как синонимичное объективной характеристике достатка или материальным условиям жизни человека в целом. Понятие «субъективное экономическое благополучие» вошло в аппарат психологической науки относительно недавно*. И только на рубеже XXI в. оно стало применяться как самостоятельное – для обозначения границ психологических явлений, порождаемых экономической сферой жизни человека (см.: Groenland, 1989, 1990; Francoeur, 2002; Hayo, Seifert, 2003; Verbič, Stanovnik, 2006; Угланова, 2003, 2007; Хащенко, 2004b)†. С помощью данного понятия подчеркивается важность рассмотрения экономического благополучия как явления психологического порядка, в отличие от экономического благосостояния как объективной характеристики уровня жизни. Полагают, что субъективное измерение экономического благополучия является альтернативой измерениям счастья, имея при этом очевидные преимущества. По сравнению с традиционными исследованиями общего субъективного благополучия или счастья, при исследовании СЭБ существует меньше методических и методологических проблем (Hayo, Seifert, 2003; Diener, Seligman, 2004). Вместе с тем, СЭБ отражает тесную связь между объективными и субъективными измерениями благополучия, что позволяет рассматривать его как важный шаг на пути интеграции усилий экономики и психологии (экономических и психологических переменных) в оценке благополучия человека (Fletcher, Lorenz, 1985; Headey, 1993).

В экономической психологии и экономической науке нет общепринятого определения понятия экономического благополучия.

---

* Впервые проблему экономического благополучия как объекта социального измерения поставил Б. Стрюмпель (Strümpel, 1974).

† В научных публикациях можно встретить близкие термины. Так, Д. Бланшфлауер и А. Освальд (Blanchflower, Oswald, 2008) употребляют понятие «экономическое субъективное благополучие» (economic subjective well-being), Э. Мэддакс (E. Maddux, 2002) использует понятие «оптимальное качество жизни в сфере финансов» (optimal financial quality of life), Дж. Хейес (Hayes, 2006) – «субъективное финансовое благополучие» (perceived financial well-being), Э. Грэнлэнд (Groenland, 1990) – «социо-экономическое благополучие» (socio-economic well-being), М. Равальон и М. Локшин (Ravallion, Lokshin, 1999) – «субъективное экономическое благосостояние» (subjective economic welfare).

Оно обычно используется в нескольких значениях, которые можно сгруппировать в ряд основных категорий.

1. Экономическое благополучие как *объективная характеристика материального или финансового положения* человека. В этом значении оно синонимично понятию объективное благосостояние (welfare). Последнее определяется по внешним критериям как объективная характеристика благополучия (objective economic well-being). Обычно оно употребляется в нескольких значениях: как объективная характеристика материального благосостояния экономических субъектов – отдельного человека или группы людей; как характеристика принадлежности человека к определенному социально-экономическому слою населения (бедные, средний класс, богатые и т. п.); как показатель общего экономического благосостояния населения региона или страны в целом. Экономическое благополучие в значении объективного по своей природе явления рассматривается как внешний, объективный фактор, условие счастья и субъективного благополучия или общей удовлетворенности жизнью человека (Easterlin, 1974, 2001a, 2001b; Andrews, Robinson, 1992; Diener, 1984; Freedman, 1978; Helliwell, 2003; Kahneman et al., 1999; Lea et al., 1987).

На микроуровне анализа в качестве индикаторов или референтов экономического благополучия традиционно применяются показатели индивидуального или семейного дохода (individual/household income), финансового положения (finance) или финансового «здоровья» (financial wellness), качества жилищных условий (housing), наличия или отсутствия работы (unemployment/job), наличия объектов собственности, сбережений, активов, долга и т. п. Наиболее часто аналогом экономического благополучия выступает уровень дохода*. Но так как для большинства экономистов измерение благосостояния является сложной задачей, нередко доход рассматривается только как хороший заместитель материального благосостояния (Ferreri-Carbonell, 2002). В исследованиях подчеркивается, что измерение уровня благополучия исключительно на основе дохода концептуально некорректно, так как не учитывает сферу потребления и размер имущества. Еще А. Кэмпбелл в качестве индикаторов *индивидуального экономического благополучия* кроме индивидуального дохода предлагал использовать стандарт жизни, семейный доход, размер сбережений, работу и жилье (Campbell, 1974). Позднее Р. Муллис

---

* В начале XX в. С. Пигу (Pigou, 1920) впервые предложил использовать доход как индикатор для сравнения благосостояния индивидов.

предложил измерять экономическое благосостояние на основе сочетания трех показателей: постоянного дохода (дохода за определенный период), расходов семьи и величины ее материальных активов (Mullis, 1992). Сходную точку зрения имеет Б. Хиди. Он полагает, что экономическое благополучие семьи наиболее адекватно определяется на основе комплексного измерения, включающего оценку уровня потребления семьи, ее дохода и имущественного состояния (Headey, 2008). На макроуровне изучения экономическое благосостояние представлено через показатель уровня жизни в стране или в отдельном ее регионе, рассчитываемого чаще всего по величине ВВП на душу населения и/или индекса потребления (Andrews, Robinson, 1992; Andrews, Witney, 1976; Easterlin, 2001a, 2001b; Frey, Stutzer, 2000, 2002a; Inglehart, 1997; van Praag, Frijters, 1998, 1999; Veenhoven, 1997). В использовании этих показателей как индикаторов, представляющих уровень благосостояния страны, справедливы ранее высказанные замечания об их ограниченности. Поэтому в последнее время в измерении экономического благополучия ориентируются на комплексные показатели.

2. СЭБ как *когнитивный феномен*, проявляющийся как оценка (или совокупность оценок) человеком собственных экономических условий жизни или благосостояния (см., например: Strümpel, 1974; Fletcher, Lorenz, 1985; Mullis, 1992). С помощью данного понятия подчеркивается необходимость и полезность субъективных измерений благосостояния человека, выраженных, например, в категориях относительного (а не абсолютного) дохода, финансовой обеспеченности семьи, субъективного экономического статуса и др. (Ravallion, Lokshin, 1999, 2002). Экономисты часто определяют индивидуальное экономическое благополучие не только в терминах дохода, но и в терминах материальной удовлетворенности, а также – более узкого понятия финансовой удовлетворенности (Ferrer-i-Carbonell, 2002). Как правило, субъективные оценки рассматриваются в тесном соотношении с объективными индикаторами материального положения как дополняющие друг друга – например, воспринимаемая (субъективная) и объективная адекватность дохода (Fletcher, Lorenz, 1985; Mullis, 1992; Ferrer-i-Carbonell, van Praag, 2001; Ferrer-i-Carbonell, 2002). Но при этом субъективные оценки имеют приоритетное значение как индикаторы субъективного благополучия человека (Campbell, 1974; Diener, Seligman, 2004). Субъективные измерения экономического благополучия в последние годы используются для анализа «качества» экономики и политики государства,

сравнительного мониторинга динамики уровня жизни в странах Европы, Азии и Америки (Diener et al., 2009), мониторинга финансового благополучия стран, субъективных оценок финансового кризиса. Экономисты, социологи, психологи, широко использующие субъективные оценки в практике измерения благосостояния и благополучия, полагают, что люди способны адекватно оценивать собственную жизненную ситуацию, а отношения между субъективными оценками и объективными экономическими переменными, такими как доход, работа, могут быть подвергнуты статистической проверке (Ferrer-i-Carbonell, 2002).

3. Экономическое благополучие как *частный домен* (область) удовлетворенности жизнью в целом, подструктура (составляющая) *общего субъективного благополучия* (субъективного качества жизни) наряду с удовлетворенностью работой, семьей, здоровьем и др. (Diener, 1984, 2000; van Praag et al., 2000, 2003). Определение СЭБ сводится к понятию удовлетворенности материальными (прежде всего финансовыми) условиями жизни и связывается со стандартами респондента в отношении того, что является обеспеченной жизнью. Оценка текущей материальной ситуации в семье как та или иная степень удовлетворенности ею (см. Ferrer-i-Carbonell, van Praag, 2001; Hayo, Seifert, 2003; Углонова, 2003) позволяет измерить СЭБ. При этом на него распространяются и общие концептуальные представления о природе формирования, и методология измерения, принятые для общего субъективного благополучия. В данном понимании определение *экономическое* отражает лишь специфику восприятия и оценки определенного аспекта субъективного благополучия, а именно материальных условий жизни. Например, СЭБ определяют через такие экономические компоненты качества жизни как удовлетворенность семейным доходом и уровень потребления (Ackerman, Paolucci, 1983). Это понимание подразумевает, что наличие СЭБ означает достаточность материальных средств для гармоничного удовлетворения потребностей и стремлений человека в разных сферах жизни. Однако следует признать, что целостное представление о его структуре отсутствует, а удовлетворенность материальными условиями жизни выступает если не единственным, то, по крайней мере, ведущим (во всяком случае, по масштабу использования) направлением измерения общего СЭБ. Поэтому в качестве синонимичных часто используют термины «удовлетворенность материальными условиями жизни», «удовлетворенность финансовым положением» (Fletcher, Lorenz, 1985; Hayo, Seifert, 2003).

Материальное благополучие также определяется интегрально – через агрегирование удовлетворенности отдельными материальными аспектами жизни – жильем, питанием, потреблением, отдыхом, полнотой финансовой обеспеченности, стабильностью материального достатка и т. п. В качестве его отдельных проявлений признаются также аффективные проявления, в основном негативные – общий финансовый стресс (*cumulative financial stress*) (Dean et al., 2007; Maddux, 2002) или финансовая напряженность (*financial strain*), вызванные неблагоприятными денежными обстоятельствами, например, долгами, необходимостью выплат по кредитам, налогам и страхованию здоровья (Francœur, 2002, 2005; Hayes, 2005, 2006) или другими объективными и психологическими факторами (Maddux, 2002).

Родственными понятиями, употребляемыми в научной литературе, являются – «экономическое самочувствие», «финансовое благополучие», «материальное благополучие» (Hayes, 2006), «потребительское благополучие» (Sirgy et al., 2006), «качество жизни в области финансов» (Maddux, 2002)*.

4. Экономическое благополучие как интегральный *показатель экономико-психологической адаптации* (Poiesz, 1988; Poiesz, von Grumbkow, 1998). Экономико-психологическая адаптация определяется как частный вид общей социальной адаптации, а именно как адаптация человека к изменяющимся экономическим условиям в качестве субъекта хозяйствования. В зависимости от ее результатов она проявляется либо в материальном благополучии, либо в бедности, т. е. в экономическом статусе и качестве жизни человека, в его ожиданиях и отношении к экономическим реформам, рынку, деньгам; она связана с системой ценностей, экономическими мотивами, экономическими нормами и интересами (Дейнека, 1999, 2000). При этом экономическое благополучие, или благосостояние выступает как основная подструктура качества жизни, проявляющаяся в единстве его субъективных и объективных индикаторов. В качестве составляющих экономического благополучия выделяется удовлетворение широким спектром явлений – работой, доходом, потреблением, социальной («гражданской») и политической системой общества, регулирующей отношения между гражданином

---

* Некоторые авторы рассматривают все это как отдельные виды (или аспекты) СЭБ. Например, Э. Мэддакс полагает, что «оптимальное финансовое качество жизни означает как способность человека распределять свои деньги так, чтобы удовлетворять свои потребности, так и отсутствие финансовых проблем» (Maddux, 2002, p. 155).

и государством, включая налоги, социальное обеспечение, экономическую стабильность и, как результат, воспринимаемую свободу экономического выбора (Poiesz, von Grumbkow, 1988).

5. Экономическое благополучие как *норматив обеспеченности*, который определяется по внешним, объективным критериям, с позиций экономического стандарта, установленного государством (или кем-то другим) как минимальный перечень индикаторов удовлетворения основных потребностей – прожиточный минимум, потребительская корзина или средний уровень обеспеченности, характерный для страны и т. п. Отклонения от норматива обеспеченности характеризуют экономическое неблагополучие (в терминах степени выраженности экономической депривированности), т. е. бедность, нехватку материальных средств для ведения нормального, привычного для данного общества образа жизни, а экономическое благополучие характеризуется высокой обеспеченностью и богатством. Экономическое благополучие (или неблагополучие) определяется как уровневая категория, которая базируется на абсолютных показателях дохода или соотношении показателей индивидуального благосостояния с уровнем материальной обеспеченности, преобладающим в конкретной стране. Данное значение широко распространено в экономике и социологии при определении уровня бедности, в целом – структуры социальных слоев населения и их динамики в стратификационной системе общества (Овчарова, 2001, 2008; Подузов, 2005; Римашевская, 2004). Условием отнесения или неотнесения индивида или домохозяйства к объективному уровню экономического благополучия выступает степень соответствия размера их дохода и имущества принятым в стране нормативам материальной обеспеченности*. В психологической науке нормативный подход к определению субъективного благополучия не нашел широкого распространения и разрабатывается лишь применительно к измерению психологических составляющих качества жизни населения (Зараковский, 2004, 2009).

Мы будем рассматривать СЭБ как базовый конструкт (или компонент) экономического сознания, который выражает личное отношение человека к своему актуальному и будущему материальному благосостоянию. Основными составляющими его психологическо-

---

* Например, в США к богатым относят тех, чей годовой доход превышает 200 тыс. долларов, в случае семейного дохода цифра увеличивается до 250 тыс.

го измерения выступают субъективные переживания человека, его *чувственно-эмоциональные и когнитивные компоненты, ценностные аспекты отношения* к материальной сфере и самому себе, обусловленные объективными обстоятельствами жизнедеятельности и его личностными свойствами. СЭБ есть целостное субъективное (пристрастное) отношение личности к материальным аспектам и условиям жизни, которое выражает жизненную позицию человека в сфере материальных устремлений и потребления. Важным является понимание того, что СЭБ связано как с потребностями человека и характером их реализации, так и с самооценкой собственных возможностей, в первую очередь – с верой в свою экономическую самоэффективность, способность контролировать материальные аспекты своей жизни, управлять финансами, а также экономическими притязаниями. СЭБ отражает позитивность или негативность мыслей и ожиданий индивида, оптимизм или пессимизм относительно своего экономического положения и его изменения в будущем, оценку удовлетворенности полнотой своего достатка, а также такие негативные чувства, как рост экономической тревожности и фрустрации, беспокойства, тревоги и даже астении и депрессии, которые могут быть связаны с падением жизненного уровня и характера потребления, либо же с ожиданием, что это может произойти.

Психологический анализ СЭБ предполагает рассмотрение этого явления во всей совокупности внешних и внутренних условий жизнедеятельности, в системе социальных связей и отношений личности. Как отмечал Б. Ф. Ломов, «в психологии субъективность раскрывается через анализ личности, прежде всего через систему личностных отношений индивида к социальным событиям» (Ломов, 1984, с. 65). Феномен СЭБ проявляется через систему отношений человека к различным аспектам личной экономической ситуации – доходу, деньгам, сбережениям, имуществу, работе, жилью, условиям отдыха и в целом к экономическим условиям жизни, включая оценку экономической политики государства с позиций ценностей и целей человека, усвоенных им стандартов благосостояния, а также отношения к самому себе как к экономическому субъекту. СЭБ – продукт социализационного и адаптационного влияния. Оно опирается на личный опыт жизни человека, включающий испытанные положительные и негативные эмоциональные состояния, глобальную и частную оценку материальных условий жизни и их изменения в прошлом, а также на приобретаемую в процессе социализации

личную «концепцию» материального благополучия, которой человек руководствуется и которая определяет значение материальных ценностей в его внутреннем мире. И, конечно, СЭБ есть результат идентификации и социальной категоризации человеком своего социального окружения, экономических сравнений с референтными для него общностями. Последний психологический механизм детерминации нужно подчеркнуть особо, так как благодаря ему СЭБ несет в себе оценку, основанную на экономическом сравнении личного благосостояния с системой субъективных стандартов жизни или субъективной шкалой благосостояния, в основе которой лежат представления о материальном благосостоянии. Важным для экономического благополучия, как свидетельствует эмпирический анализ, является также оценка человеком своего места в распределении доходов в обществе. Ряд исследователей указывает также на важность для субъективного благополучия человека социальных сравнений собственного дохода с доходами таких референтных категорий, как бедные или богатые относительно этого человека люди (Duesenberry, 1994; McBride, 2001; Ferrer-i-Carbonell, 2005).

СЭБ выступает важной характеристикой личности как субъекта жизнедеятельности. В этом феномене, по образному замечанию К. А. Абульхановой, имеет место своего рода «соотношение личности с жизнью, в котором и надо искать психологические определения личности» (Абульханова, 1980, с. 100). В зависимости от материальных условий жизни индивида, степени определенности его экономической позиции, различается и структурная композиция СЭБ и, очевидно, его роль во внутреннем мире человека и отношение к различным аспектам внешнего. Это означает, что СЭБ может по-разному проявляться и, соответственно, детерминироваться в зависимости от того или иного уровня, во-первых, взаимодействия личности с материальным миром и, во-вторых, ее психологической (ценностно-смысловой) организации. Именно в силу этого психологическое содержание СЭБ, а, следовательно, и его значение многогранно и, особо подчеркнем, полимодально. Но при этом оно всегда является психологическим выражением целостной жизни человека в единстве его внешних (объективных социально-экономических обстоятельств) и внутренних (прежде всего личностных) условий жизнедеятельности. Таким образом, СЭБ есть интегральное экономико-психологическое явление, которое включает отношение человека к экономическим условиям своей жизни, имеющее субъектное (активное) начало.

Существует несколько принципиальных характеристик в исследовании СЭБ как научной категории. Во-первых, это *диапазон проявлений полноты благополучия*: от переживаний полной экономической депривированности – нищеты, скудости, до состояний материального достатка, роскоши, изобилия. Данная характеристика не фокусируется только на благоприятных или неблагоприятных состояниях, таких как бедность или богатство. Наоборот, важными являются как проявления различий в уровне материального достатка, так и – нужды. Таким образом, феноменология СЭБ включает как предпочитаемые, так и нежелательные состояния человека, но не ограничивается ими. Другими словами, эта феноменология обусловлена не только крайними состояниями благополучия или неблагополучия, бедности или богатства, но также обстоятельствами, которые детерминируют тонкие различия между неполной обеспеченностью, средним достатком или состоятельностью. Причины субъективного благополучия и неблагополучия разные (Diener, 2000; Headey et al., 1984a, b; Larsen, Ketelaar, 1991), что заставляет выдвинуть предположение о гетерогенности феноменов экономического благополучия и неблагополучия, которые должны рассматриваться как отдельные, самостоятельные явления, а не как «зеркальное» отражение друг друга. С психологической точки зрения экономическое благополучие и неблагополучие – это разные феномены, а не степень выраженности одного и того же. Если это действительно так, то и анализироваться они должны отдельно друг от друга, потому что их детерминанты могут быть различны.

Во-вторых, как психологическое понятие субъективное благополучие подчеркивает прежде всего *ценностные аспекты отношения* человека к экономическим условиям его жизни, а также уровень адаптации к ним. Поэтому, как уже подчеркивалось, СЭБ определяется в терминах внутреннего опыта человека. Его внутренняя структура часто недоступна, так как благополучие или неблагополучие измеряется на основе собственных взглядов человека. Человек думает, что материальные условия его жизни хороши, когда они согласуются с его внутренним опытом и жизненными стандартами. Вследствие этого обозначенная характеристика фокусирует внимание на индивидуальных различиях в проявлениях материального благополучия. Поле значений СЭБ определяется исходя из собственного восприятия людьми условий своей жизни, иногда люди преувеличивают наличие материальных трудностей, если они сами их не преодолели. С точки зрения феноменологии СЭБ, ни уровень

дохода человека, ни объективное качество его жизни, а только лишь убеждение индивида в своем материальном благополучии является определяющим. Однако это также означает, что оценка СЭБ не может быть совершенным измерением экономического благосостояния человека, потому что люди, даже когда они чувствуют себя материально благополучными или, наоборот, неблагополучными, могут оказаться психологически дезориентированными (прежним опытом, ожиданиями или неадекватными экономическими притязаниями). Таким образом, измерение СЭБ рассматривается как дополнительное к существующим подходам оценки экономического благосостояния. Иными словами, объективные и субъективные индикаторы экономического благополучия тесно коррелируют между собой, однако они не тождественны, и в ряде случаев их связь может быть очень слабой или же отсутствовать (Fletcher, Lorenz, 1985; Diener, Seligman, 2004).

В-третьих, в целом контекст исследований СЭБ является тем полем, которое фокусирует свое внимание на *длительных устойчивых состояниях*, а не на ситуативных ощущениях человека. Исследователей больше интересуют аффекты индивида, относительно постоянные на протяжении определенного периода времени, будь то события прошлые, настоящие или только ожидаемые, хотя оценки, такие как, например, удовлетворенность финансовым положением или экономическая обеспокоенность человека могут изменяться ситуативно, время от времени. При этом очень важно подчеркнуть, с одной стороны, инерционную природу СЭБ, которая проявляется в моменте запаздывания его трансформации относительно изменений объективных условий жизни, с другой – ее временную ориентированность, а также ценностно-смысловую направленность оценок и переживаний индивида.

В-четвертых, когнитивные и аффективные составляющие СЭБ тесно взаимосвязаны (Diener, 1984; Oishi, Diener, 2001). Поэтому долгое время субъективное благополучие рассматривалось большинством исследователей как состояние *взаимного соответствия* когнитивных составляющих – оценок индивидом удовлетворенности жизнью в целом или специфическими ее аспектами – с одной стороны, и аффективных компонентов как сочетания позитивных и негативных эмоциональных переживаний, с другой. Только недавно пришло понимание, что их соотношение в различных типах благополучия может быть более сложным – негативные эмоциональные состояния способны как усиливать, так и ослаблять по-

ложительное влияние оценок высокой удовлетворенности на благополучие личности, и, наоборот, отрицательный эффект низких оценок может «нейтрализоваться» отсутствием у индивида отрицательных аффективных переживаний (тревоги и беспокойства) из-за невысокой субъективной значимости для него оцениваемых материальных аспектов жизни (McKennell, 1978; Andrews, Robinson, 1992; Rubinstein, 1981; Семенов, 2004, 2006). Таким образом, несмотря на то, что компоненты благополучия коррелируют между собой, похоже, они имеют разную природу детерминации (Schimmack et al., 2002), т. е. констатируется некоторая независимость когнитивных и эмоциональных составляющих СЭБ. Это означает, что когнитивные и аффективные компоненты могут анализироваться отдельно друг от друга. При этом вариативность их соотношений позволяет предположить существование различных психологических типов как экономического благополучия, так и неблагополучия.

В-пятых, СЭБ есть структура в единстве его компонентов (элементов) – *когнитивных и аффективных характеристик*, которые формируют его как целостное явление, целостный феномен экономического сознания. Все богатство проявлений СЭБ можно свести к двум базовым аспектам его содержания – *оценке уровня жизни и эмоциональному благополучию* в экономической области жизни, которое означает эмоциональное качество индивидуального опыта – характер и интенсивность переживания стресса, тревоги и в целом фрустрированности материальными и финансовыми сторонами жизни.

Каждая составляющая выступает как отдельная подструктура, которая в свою очередь может быть подразделена на более частные элементы. В соответствии со степенью структурированности компонентов СЭБ определяют разные уровни его измерения. Как интегральный показатель жизни человека СЭБ представляет собой многомерную, многоуровневую и динамическую систему субъективных измерений личностью материальных аспектов собственной жизни. В этой связи СЭБ может быть оценено глобально, в отношении всей совокупности условий жизни или, наоборот, только в какой-то конкретной, отдельной ее области, что зависит от целей измерения (Oishi, Diener et al., 2007). Например, можно оценить удовлетворенность человека материальным положением в целом, а можно – только состоянием его финансов, заработной платой, жильем или уровнем потребления, можно также измерить адекватность дохода или потребность в деньгах. Справедливым для исследования

общего уровня СЭБ является положение о том, что более частные его оценки имеют тенденцию к сходству. Например, если у людей есть склонность испытывать близкий уровень материального благополучия в отдельных аспектах жизни, то изучение интегральной оценки может помочь нам понять общее влияние всех аспектов на экономическое благополучие и причину его вариаций. Верным при изучении частных элементов (или уровней оценивания) СЭБ является то, что с их помощью можно достичь значительного понимания роли в СЭБ конкретных материальных обстоятельств жизни человека. Однако верно также и то, что психологическое значение частных измерений для интегральной оценки изменяется в зависимости от достигнутого человеком стандарта материального благополучия. Иными словами, соотношение частных и интегральной оценок жизни, или «восходящее» (от частных оценок к общей) и «нисходящее» (от общей оценки к частным) их взаимовлияние необязательно являются симметричными, т. е. вклад отдельных составляющих в общее благополучие может быть непропорциональным, неодинаковым, как и частные оценки материального положения человека могут быть опосредованы общим уровнем экономического благополучия.

В-шестых, СЭБ отражает удовлетворенность социально-экономическими условиями жизни, но оно также может определять отношения индивида с ближайшим социальным окружением, его позицию в микросреде, восприятие им собственного успеха в жизни, а также степень реализации нематериальных потребностей. Это означает, что неправомерно всегда ограничивать измерение СЭБ только экономическими условиями жизни. Непосредственными индикаторами субъективного благополучия в экономической сфере жизни могут выступать удовлетворение широкого круга нематериальных потребностей, например, потребности в принадлежности, престиже и влиянии, а также самореализации, т. е. исключительно психологические индикаторы психологического благополучия личности. Необходимость расширения диапазона неэкономических индикаторов субъективного благополучия подчеркивается рядом исследователей как актуальная научная и практическая задача (см., например: Diener, Seligman, 2004).

В-седьмых, СЭБ проявляется как отношение к перспективе изменения экономического благосостояния и внутренним личностным условиям его роста (способностям, возможностям и усилиям) в связи потребностями и экономическими притязаниями индивида. Это подчеркивает важность понимания СЭБ как осознания индиви-

дом собственного *личностного потенциала* в экономической сфере жизни, способности обеспечить себя в будущем. Поэтому, наряду с оценкой результатов материальных достижений, СЭБ отражает усилия человека как экономического субъекта в обеспечении собственных интересов и потребностей. Это положение подчеркивает субъектную природу феномена СЭБ (да и в целом субъективного благополучия), который нельзя сводить исключительно к процессам адаптации к социально-экономическим условиям жизни (или социально-экономической адаптации) (Дейнека, 2000).

И наконец, в-восьмых, отношение к собственной экономической ситуации является существенной частью (компонентом, подструктурой) субъективного благополучия человека. В то же время СЭБ выступает самостоятельным фактором его детерминации (Угланова, 2003), источником общего благополучия человека, значение которого может расти или падать в разные периоды жизненного цикла человека (Easterlin, 2006).

Следует подчеркнуть, что психологические составляющие СЭБ имеют специфическое содержание, относящееся к материальным аспектам жизни человека. В силу этого их содержательная специфика раскрывается с помощью выделения новых феноменов и их научных определений, например, экономический оптимизм, экономический стресс, экономическая фрустрированность и т. п. Необходимо специально остановиться на вопросе о правомерности использования хорошо известных научных понятий с приставкой «экономический». В науке всегда осознавалась опасность чрезмерно широкой трактовки научных представлений, когда введением нового понятия констатируется простое выделение нового аспекта исследования известных феноменов или дается указание на предметную область их анализа. Поэтому правомерность такой научной позиции может быть оправдана только в том случае, если новые выделяемые феномены действительно выступают в качестве реальных (а не декларируемых) регуляторов поведения и жизнедеятельности человека, его субъективных отношений с миром, имеют особую природу детерминации. В экономической психологии накопилось существенное количество фактов, свидетельствующих о несводимости психологических феноменов, характерных для экономического поведения человека, к уже известным и традиционно определяемым психологической наукой, что обуславливает необходимость их специального научного определения. К таким известным феноменам экономического сознания можно отнести монетарные установки (Furnham,

1984, 2002; Furnham, Argyle, 1998; Rubinstein, 1981; Tang, 1992, 1993; Yamauchi, Templer, 1982), экономический локус контроля (Furnham, 1986), экономические притязания (Easterlin, 2001b), отношение к деньгам (Безрукова, Хащенко, 2000; Журавлев, 2002; Горбачева, Купрейченко, 2006), экономические ценности (Хащенко, 1997, 1998; Журавлева, 2006), самооценку экономической самоэффективности (Maddux, 2002) и др. К таким экономико-психологическим явлениям сознания с полным основанием можно отнести и феномен СЭБ.

Таким образом, понятие СЭБ тесно связано с рядом экономических и социальных категорий – благосостоянием, уровнем жизни, нормативом материальной обеспеченности, доходом, качеством жизни, экономическим самочувствием, оно также включено в другие, более общие психологические категории – субъективное качество жизни, субъективное благополучие и общая удовлетворенность жизнью. В то же время это понятие само по себе достаточно сложное, многогранное и содержит в качестве составляющих отдельные виды экономического благополучия – имущественное, финансовое, инвестиционное, потребительское, а также благополучие, связанное с работой и отдыхом. Многоплановость определений экономического благополучия подчеркивает необходимость содержательного анализа данного феномена, его проявлений и детерминации, достаточного для построения психологической картины этого явления. Вместе с тем вариативность его трактовок отражает объективный факт его универсальной многозначности, многомерности, множественности способов и аспектов его проявления (модусов).

Модусы субъективного экономического благополучия

Модусы СЭБ тесно связаны между собой и всегда обуславливают друг друга. В понятийном аппарате ряда наук – экономики, социологии и психологии, а также в обыденном сознании, сложился достаточно широкий ряд представлений и определений, фиксирующих различные психологические аспекты *проявления экономического благополучия*, отражающих многообразные его значения. В силу того что данный вопрос практически не освещался в научной литературе, специально остановимся на выделении и характеристике модусов СЭБ, отражающих сложную систему его проявлений*. Под модусом

---

* Проблему модусов субъективного благополучия рассматривает Р. Шамянов. Он выделяет четыре модусных комплекса (типа) субъективного

мы понимаем способ существования явления, образ или меру его измерения, различные состояния, которые оно принимает.

Хронологический модус. Предполагает временное проявление материального благополучия в соответствии с системой жизненно-ориентирования личности, включающей три основных уровня: перспективный, текущий и ретроспективный. В соответствии с этой системой выделяют экономическое благополучие ретроспективное (прошлое), актуальное и будущее. В исследованиях эти виды часто фиксируются с помощью вопросов, в которых респонденту предлагается оценить свое материальное положение в прошлом, настоящем и будущем. Сравнение с собственной материальной ситуацией во временном континууме выступает в качестве психологического механизма формирования СЭБ.

В науке накоплен большой фактический материал, свидетельствующий о существенности данного модуса. Показано, что ведущим механизмом оценивания актуального экономического благополучия выступает сравнение собственной экономической ситуации во временном континууме с тем, какова она была в прошлом, а также с ожидаемыми изменениями ее в будущем (Rose, Mishler, 1994; Nabich, Spéder, 1998; Easterlin, 1995, 2001a). Несомненно, текущие события, например, устройство на более высокооплачиваемую работу, оцениваются через призму финансового состояния дел в прошлом и ожиданий относительно их изменений. Таким образом, данный модус подчеркивает временную ориентированность восприятия экономического благополучия, включая перспективу ожидания. Отметим, что временные оценки тесно переплетены между собой, что подчеркивает их внутреннюю взаимосвязь в едином временном континууме.

Необходимо учитывать, что разный образ и смысл жизни, набор жизненных ценностей, норм и целей личности определяет формирование ее установок или ориентаций на преимущественно определенный модус времени: прошлое, настоящее или будущее. В повседневной жизни встречаются несколько типов временной ориентации личности. *Перспективная ориентация* личности основывается на определенном образе будущего, установлении планируемых или ожидаемых результатов. *Оперативная ориентация*

благополучия: модус материального пополнения, модус личностного (смыслового) самоопределения, модус социального («отношенческого») самоопределения и модус личностного (характерологического) благополучия (Шамяионов, 2004).

связана с итогом восприятия и понимания событий, происходящих в настоящий момент жизни, их ценностной трактовкой, решением актуальных жизненных проблем по мере их возникновения. Последнее, *ретроспективное ориентирование* обращено в прошлое, которое вспоминается, осмысливается и переживается (Штомпель, Штомпель, 2006). Одни люди ориентированы преимущественно на прошлое, другие на настоящее, третьи – на будущее, что не может не отражаться на характере их восприятия и оценки актуального экономического благополучия. Из всех типов ориентирования ретроспективное – наиболее психологически содержательно: оно включает в себя и попытку оправдания, и контроль над соответствием линии поведения ранее принятым образцам, и поиск опоры для настоящего. Ретроспективная ориентация предполагает как мысленное движение «от настоящего к прошлому», так и обратное – «от осмысленного прошлого к настоящему».

Согласно А. Бергсону и Э. Гуссерлю, люди любят «придумывать» время. Человек ориентируется на такие временные представления, которые отражают не объективные, а субъективные отношения между событиями, т. е. придуманные людьми. «Они „натягивают“ на настоящее время мерки прошедшего, будущего или даже вечного и страдают, когда настоящее разрывает тесные одежды или, напротив, утопает в них» (Штомпель, Штомпель, 2006, с. 8). Это явление очень характерно для многих пожилых людей, которые живут мерками прошлого, чаще чувствуют себя экономически неблагополучными, проигравшими, например, из-за рыночных реформ. Если активность личности направлена на приобретательство, на потребление различных жизненных благ, на стремление к материальному комфорту, то подобная личность чаще идет «на поводу» у объективных временных ритмов общества.

Ценностно-смысловой модус. Включает понимание человеком экономического благополучия как отдельной, самостоятельной ценности сообразно наиболее значимым для него жизненным смыслам, целям, мировоззренческим (в том числе религиозным) убеждениям и идеалам. Это означает, что не существует тождественности материальных и жизненных ценностей для разных людей. Жизненные ценности не имеют в сознании человека однозначной связи с материальными благами и ресурсами – наоборот, материальное благополучие может быть подчиненно достижению иных терминальных ценностей, таких как любовь, безопасность, свобода, внутренняя гармония, близость с другими и т. д. Предполагается, что ценность

достижения материального благополучия имеет разные смысловую значимость и наполнение в зависимости от его места в системе ценностей человека. Материальное благополучие может выступать в качестве базовой, терминальной, смыслообразующей ценности человека как стремление к личной выгоде, потреблению, как антитеза стремлению к духовно-нравственному благополучию или в ином качестве – как средство, необходимое условие личностного развития человека и его самореализации. Ценностно-смысловое значение экономического благополучия для человека наиболее ярко проявляется в его отношении к деньгам, вещам, собственности, потреблению и той роли, которую они играют в жизни, – в целом в значимости материальных ценностей. Отражение в сознании человека материальных ценностей в качестве ведущих жизненных целей и мировоззренческих ориентиров закономерно ведет к формированию так называемого материализма личности. Ориентация на потребление как элемент ценностной структуры такой личности становится самоцелью: проявляется необоснованно завышенное стремление к материальному достатку и желание, например, делать покупки ради покупок.

В соответствии с *субъективной концепцией материальных ценностей* люди могут разделять содержательно разнообразные *концепты экономического благополучия*, за которыми стоит какой-либо канон, образец, идеал жизни, так или иначе имеющий для них разное ценностно-смысловое звучание.

В качестве примера можно привести наиболее часто встречающиеся символические концепты материального благополучия:

- *безопасность* – защищенность, уверенность, порядок, отсутствие страха;
- *обогащение* – непреодолимая тяга к богатству, к материальному преуспеванию, когда материальный успех (дорогие модные вещи, крупная собственность, большие деньги) является мерилем социальных достижений, а потребление материальных благ – высшей формой наслаждения и счастья;
- *отсутствие нужды* – как условие удовлетворения широкого круга потребностей и комфорта; понятия материального достатка и большого количества денег не совпадают;
- *благополучие семьи* – рачительность, упорный труд на благо близких как условие семейного счастья;
- *аскетизм* – рациональное потребление, достаточное для удовлетворения разумных потребностей и желаний, предпо-

лагающее принятие человеком императива материального самоограничения;

- *свобода и независимость* – необходимые условия развития и реализации личности;
- *наслаждение* – жизнь в свое удовольствие, стремление жить одним днем.

Ценностно-смысловое значение экономического благополучия особенно ярко проявляется в различном отношении человека к деньгам (Furnham, 1984; Goldberg, Lewis, 1978; Rubinstein, 1981; Yamauchi, Templer, 1982; Tang, 1992; Hanley, Wilhelm, 1992; Lim et al., 1997; Lim et al., 2003; Семенов, 2004; Дейнека, 2002; Журавлев, 2002; Фенько, 2004; Письменова, 2011; и др.).

Ценностно-смысловой модус экономического благополучия актуализирует в разных пространствах «мира личности» разнообразные ценностные смыслы: *персональном* (по отношению к себе) – автономию, наслаждение или самореализацию, *социально-психологическом* (по отношению к другим людям) – обеспеченную семейную жизнь, безопасность или влияние, *социальном* (по отношению к социуму в целом) – социальную устойчивость, достижение высокого статуса и власть.

Таким образом, для кого-то материальные блага могут выступать как средство получения власти, как ценность, как достижение, как предмет сохранения, но при этом для всех они – актуальная необходимость (Фенько, 2000). Парадоксально, но отсутствие материальной обеспеченности также имеет для человека ценностный аспект. Как полагает К. Муздыбаев «бедность» содержит в себе ценностные элементы социального неуспеха, неудачи. «Малоимущие страдают не только из-за нехватки средств к существованию. Быть бедным – значит быть социальным аутсайдером, носить клеймо „неполноценного“ или „нижестоящего“ члена общества» (Муздыбаев, 2001, с. 5).

Ценностный подход к анализу СЭБ предполагает поиск ответа на вопрос о его взаимосвязи с другими фундаментальными человеческими ценностями – свободой, здоровьем, любовью, добротой, о месте материального благополучия в структуре жизненных ориентаций человека, о соотношении актуального и идеального экономического благополучия.

Модус материальной обеспеченности. Отражает субъективность в определении человеком собственной финансовой и имущественной обеспеченности в контексте воспринимаемого уровня депри-

вированности или достатка. Данное измерение порождает феномен *субъективности достатка*, который проявляется в том, что оценки людьми объективно сходных уровней собственного материального благосостояния (например, дохода) отличаются высокой неоднородностью, неоднозначностью и относительностью. Субъективной бедности, субъективному среднему достатку, субъективной обеспеченности, субъективному богатству часто дается различная интерпретация их финансового наполнения, что обусловливается прежде всего различиями в ориентации людей на разные стандарты (или уровни) жизни. Основываясь на субъективной относительности достатка, люди могут определять субъективную бедность чрезвычайно широко, в категориях глубокой, полной или же частичной экономической депривированности – в терминах нищеты, нужды, материальной ограниченности или просто недостаточного уровня потребления. Иными словами, оценка экономического благополучия во многом зависит от относительности выбранного так называемого «нормального» (референтного) стандарта жизни. Аналогично субъективная обеспеченность и богатство очень часто интерпретируются в широком диапазоне оценок – от просто материального достатка или отсутствия материальных проблем, что типично для российского населения, до материального изобилия, роскоши (Хашченко, 2007а). Субъективную бедность и СЭБ не стоит отождествлять. Можно быть бедным и ощущать себя при этом благополучным и, наоборот, чувствовать себя субъективно богатым и испытывать материальный недостаток.

Феномен *субъективности достатка* указывает, что восприятие материального положения осуществляется в результате экономических сравнений, под влиянием стандартов жизни референтных экономических групп: бедных, богатых и среднего достатка. Материальные стандарты жизни, на которые ориентируется человек, не являются стабильными, они изменяются по мере роста благосостояния человека.

Более высокие доходы сочетаются с ростом ожиданий благополучия в соответствии с механизмом, известным как «гедоническая дорожка» (Brickman, Campbell, 1971) или «предпочитаемый сдвиг» (van Praag, 1971, 1981, 1991). Люди стремятся ко все более высокому уровню жизни, доходам, даже если это приводит лишь к временно-му и небольшому увеличению их благополучия.

Модус морально-нравственной оценки. Категория экономического благополучия несет в себе этическую оценку с точки зрения спра-

ведливости, равенства (или неравенства), императива социальной ответственности и нравственной добродетели человека – «*моральный материализм*». Такое измерение указывает, что благополучие зависит от самого субъекта, определяется мерой его собственной добродетели. Это определяет важное место и роль нравственных факторов в формировании благополучия человека. С таких позиций экономическое благополучие кроме имущественной оценки предполагает и этическую характеристику. Неслучайно, что в обыденном сознании бедные и богатые оцениваются в нравственных категориях добра и справедливости: первые чаще добрые и справедливые, вторые – недоброжелательные и несправедливые. Очень часто материальное благополучие и богатство рассматриваются как строго негативные явления, связанные с нечестно и несправедливо нажитым имуществом, как противостоящие нравственности и моральности человека. Таким образом, в обыденном сознании наблюдается нравственная «нагруженность» оценок имущественного положения (имущественного измерения) человека, т. е. *моральное измерение благополучия*. В обыденном сознании при оценке богатства или бедности очень часто используются этические категории «совесть» и «правда», «достоинство» и «совершенство». Широко распространенным является мнение, что «быть богатым в нашей стране стыдно, а бедным почетно», «бедный – значит честный». Также популярным является убеждение, что наличие достатка – уже порок, т. е. богатство, материальное изобилие сами несут в себе черты аморальности. В то же время наблюдается и нравственное двоемыслие. Опросы показывают, что на вопросы: «Стыдно ли быть бедным? Считаете ли вы себя бедным?», большинство объективно бедных (уровень дохода ниже черты бедности) отвечают: «Нет, не стыдно», при этом 89% из них не считают себя бедняками. Типичный пример ответа в этом случае: «Мы в серединке, мы обычные (как все)».

Этическая оценка в качестве главной добродетели накладывает на человека, обладающего материальным благополучием, богатством и властью, моральный долг, социальное обязательство помогать бедным. Только богатство, направленное на созидание чего-то нового, способное помогать людям, воспринимается с нравственных позиций как приносящее благо и пользу. Поэтому благотворительность богатых людей высоко оценивается в обществе как явление, имеющее не только важное социальное значение, но и моральное звучание. Можно встретиться с противоположным явлением, когда очень большие деньги приводят лишь к банальному, безудержному,

часто демонстративному потреблению. Фиксируемый в повседневной жизни феномен, обозначаемый как «новый русский», воспринимается окружающими как аморальное явление, которое, как правило, осуждается. Анализ исследований российских ученых показывает, что пренебрежение, особенно демонстративное, нравственными нормами в экономической сфере обостряет проблему социальной справедливости, формирует негативное отношение к богатым среди различных по своему социальному составу групп населения, порождает стремление к равенству доходов.

Следует отметить и еще один аспект. Считается, что и в личностном плане обладание материальными благами становится серьезным испытанием для морально-нравственной зрелости человека. Так, и богатый человек может быть нравственным, но чтобы быть таковым, от него требуется больше усилий, поскольку богатство для многих – большое искушение. Деньги и власть, как известно, дают человеку большие возможности, которые могут деформировать личность, сопутствовать развитию таких черт, как властолюбие, высокомерие и тщеславие, т. е., наряду с профессиональной деформацией личности, можно говорить и о материализме личности как личностной деформации.

Объектный модус. Содержательные проявления СЭБ зависят от восприятия человеком конкретных аспектов материальных условий жизни (потребления, финансов, работы, жилища, питания, досуга, отдыха и т. п.). В соответствии с этим модусом, экономическое благополучие включает отдельные частные виды: удовлетворенность доходом, финансовым положением, качеством жилья, потребления и др. Перечисленные виды экономического благополучия выступают как достаточно самостоятельные. Наиболее известным и наиболее изученным видом экономического благополучия является *финансовое благополучие*. Выделяют также такой конструкт как *потребительское благополучие* (consumer well-being), отличное от унитарного феномена удовлетворенности материальным потреблением, который отражает удовлетворенность потреблением во всех сферах жизни человека, включая здоровье, семью, безопасность и др. (Sirgy, Lee, 2006; Lee et al., 2002; Sirgy et al., 2007). Д. Ли и др. считают, что потребительское благополучие предполагает удовлетворенность ведущими категориями продуктов и вещей в связи с различным опытом их использования – приобретением, хранением, потреблением, техническим обслуживанием и утилизацией основных товаров длительного пользования (см.: Lee et al., 2002). М. Сёрджи, Д. Ли,

Ф. Кресманн полагают, что потребителю соответствует полный спектр развивающихся человеческих потребностей, например, потребности в безопасности, уважении, самоактуализации, знаниях, а также экономических, семейных, социальных и эстетических (Sirgy et al., 2006).

Модус экономического самоопределения (субъектный модус). Устанавливает тесную связь между СЭБ и жизненным выбором человека в экономической сфере. Важным является понимание того, что СЭБ не только связано с потребностями и их реализацией, но и определяется личностным выбором человека направления его экономической активности, уровня обеспеченности, которого ему хотелось бы достичь, средств и способов самообеспечения, в целом – его экономическим самоопределением. Субъективное чувство достатка или бедности основано на специфической экономической самоконцепции личности (идентификации, самовосприятии, самоэффективности в экономической области и т. п.), особых социальных ожиданиях и установках (Муздыбаев, 1997, 2001; Maddux, 2002), которые ведут к различиям в экономическом самоопределении, т. е. в выборе стратегии экономической активности, целей и средств материального самообеспечения. Субъективно переживаемая бедность или материальный достаток различаются не только в субъективной оценке как таковой, но и проявляются в разной субъективной позиции, способах экономической активности. Так называемая *психология бедности*, отражающая осознание человеком собственной экономической ущербности и невозможности вырваться из «заколдованного» круга, очень часто сопровождается рассуждениями о своем несоответствии времени или якобы «генетической неспособности» к бизнесу и в конечном итоге формирует пассивную (иждивенческую) субъективную экономическую позицию, склонность к экономическому патернализму. Последняя очень популярна среди большей части российского населения, а не только в тех социально-экономических группах, чье положение в результате рыночных реформ в России ухудшилось. Наоборот, сильное желание добиться поставленной цели, вера в себя, свою успешность, готовность к самостоятельной активности способствуют субъективному благополучию (Ryff, 1989, 1995; Maddux, 2002). Иначе говоря, как СЭБ порождается материальным положением, так и, наоборот, выбор способов экономической активности человека может детерминироваться его СЭБ.

Результаты исследований показывают, что «материально удовлетворенные» люди контролируют свои финансы, тогда как мате-

риально неудовлетворенные позволяют деньгам управлять их поведением. Так, если возникает желание купить что-нибудь слишком дорогое, то представители первой группы стараются либо накопить достаточно денег, либо забыть об этой вещи. Неудовлетворенные же чаще всего пытаются взять деньги в кредит, в долг (Дейнека, 2000; Фенько, 2005). При высоких запросах, но низком уровне оцениваемой самостоятельности, способности удовлетворения потребностей наступает субъективное неблагополучие, обратное соотношение, вероятно, ведет к благополучию.

Взаимообусловленность характеристик экономического сознания и экономической активности предполагает учет субъектных свойств человека – активности, ответственности, конкурентоспособности, самостоятельности, способности к произвольной регуляции и самомотивации (автономии), оптимизма и т. д. – в качестве значимых детерминант экономического благополучия. Понять оценку экономического благополучия личности, особенно противоречащую его реальному экономическому положению, можно лишь встав на ее позицию в качестве субъекта жизнедеятельности в целом. Тогда становится возможным объяснить тот факт, что в ряде случаев человек высоко оценивает собственную материальную обеспеченность, не исходя из экономических реалий – дохода, финансовых возможностей, а вопреки им, основываясь на наиболее значимых для него жизненных принципах и идеалах (прошлом опыте) или на оценке собственных способностей и возможностей в сфере материальных достижений, социальных ожиданий. Субъективная бедность основана не только на ее объективной оценке как таковой, но также и на требованиях человека к обществу (Муздыбаев, 1997).

Модус удовлетворения потребностей. Материальное благополучие находит свое выражение в состоянии удовлетворения потребностной сферы личности. С одной стороны, благополучие, являясь глобальной оценкой уровня жизни человека в соответствии с его собственными критериями, подразумевает гармоничное удовлетворение разных желаний и потребностей человека. С другой – экономическое благополучие выступает как частная, отдельная потребность человека. Потребность в материальном достатке, жизни в довольствии является базовой потребностью личности. Она включает безграничный класс материальных потребностей в тех или иных материальных объектах, вещах, одежде, предметах быта и т. п., которые трудно или почти невозможно насытить или удовлетворить: их насыщение – состояние кратковременное. Матери-

альные потребности относятся к классу развивающихся – по мере удовлетворения одних появляются другие, которые часто формируются извне, например, средствами рекламы или модой. По мере роста удовлетворения потребности в экономическом благополучии растут возможности удовлетворения потребностей нематериальных – духовных, культурных, образовательных, потребностей в развлечениях, путешествиях и т. п. Потребность в материальном достатке имеет тесную связь с удовлетворением других потребностей. В потребности материального благополучия находит свое отражение общий уровень удовлетворения прочих, нематериальных потребностей, это – основа удовлетворения многих потребностей личности. Потребность в материальном благополучии заряжается силой многих потребностей и желаний человека, поэтому она является генерализованной потребностью. Она включает не только совокупность материальных потребностей, но и социальных, например, потребностей влияния или принадлежности, а иногда и самореализации, когда материальный достаток выступает условием личностной самоактуализации человека.

Полнота удовлетворения сформировавшегося круга актуальных материальных и нематериальных потребностей во многом определяет переживание человеком благополучия или неблагополучия. Таким образом, материальная удовлетворенность зависит как от силы материальных и нематериальных потребностей, так и от величины расхождения между желаемым и реальным уровнем материальных благ и ресурсов личности, возможностями их удовлетворения (Michalos, 1985; Семенов, 2001).

Различные материальные блага обладают неодинаковой ценностью, вследствие чего потребности людей существенно дифференцируются по своим масштабам. Быстрее всего человечество достигает удовлетворения своих потребностей в продовольствии – в результате при росте доходов доля затрат на питание начинает снижаться первой. Затем наступает очередь затрат на одежду и обувь (хотя здесь процесс «насыщения» идет медленнее из-за постоянно меняющейся моды), и следом – растут расходы на нематериальные запросы. Еще в XIX в. прусский статистик Э. Энгель обнаружил зависимость поведения потребителя от размера получаемого им дохода: с ростом личных доходов доля расходов на питание снижается, доля расходов на одежду, жилище и коммунальные услуги меняется незначительно, а доля расходов на удовлетворение культурных, образовательных и иных нематериальных нужд, а также величина сбережений

заметно возрастают. Эта зависимость получила название «второго закона Энгеля».

В сознании людей СЭБ связывается прежде всего с финансовым положением человека, размером его дохода. Удовлетворенность финансовым положением и доходом чаще всего используются при операционализации и измерении СЭБ (Ferrer-i-Carbonell, 2003). Известный и широко используемый в исследованиях коэффициент относительной финансовой депривации (Cantril, 1965) предполагает расчет соотношения между реальным и желаемым доходом. Деньги являются универсальным средством и регулятором удовлетворения потребностей. У денег есть одно «необычное» свойство: их всегда не хватает. Достаток зависит не от количества денег – а от потребности в них. Потребность в деньгах – генерализованная потребность, т. е. такая, которая объединяет, аккумулирует в себе некоторые прочие потребности, поскольку является средством их удовлетворения (Семенов, 2004).

Это касается любого человека независимо от его финансовых возможностей и положения в обществе. Действительно, любая сумма, превышающая текущие финансовые возможности человека, кажется ему уже чуть ли не богатством. Для одних ситуация складывается точно по Высоцкому: «У них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает». У других возникают денежные затруднения с приобретением новой яхты для путешествий по Средиземному морю. Иными словами, проблема недостатка денег – отчасти психологическая.

В основе притягательности, которой обладают деньги практически во всех обществах, лежит драйв. Драйв, или побуждение к получению денег обычно появляется в жизни человека довольно рано – как только дети обнаруживают, что деньги позволяют им достичь несравнимо больше целей, чем любое другое средство. Многие финансовые состояния возникали на основе использования всеобщей привлекательности денег. То, что деньги можно обменять на многие виды товаров, услуг и привилегий, придает им значение мощного мотиватора.

Модус социальной идентификации. СЭБ по своей природе всегда социально ориентировано. Оно всегда есть результат социального сравнения, сопоставления с другими, прежде всего референтными для нас людьми. Собственная материальная благополучность или, наоборот, нужда определяется на основе взаимного сравнения собственных доходов с доходами других, значимых для нас людей или обобщенной личностью, а также оценки благополучности других в сравнении с собственным материальным положением. Такая

оценка позволяет человеку не только определять свое экономическое положение, но и переживать в этой связи ту или иную модальность социального самочувствия, например, позитивную – в случае признания материальных достижений со стороны референтной группы. Социальное сравнение может быть реальным или представляемым, непосредственным и опосредованным, немедленным или отсроченным. В любом случае человек соотносит свое материальное положение, доход с социальной нормой, однако сами «нормы» могут существенно дифференцироваться в зависимости от условий экономической социализации. Например, сравнение с менее удачливыми людьми, живущими в более стесненных обстоятельствах, сильно повышает удовлетворенность собственной жизнью. Для многих проблема СЭБ заключается лишь в том, что они просто не могут соответствовать своему реальному финансовому положению, равняясь на более обеспеченного «соседа» и изо всех сил пытаются жить «не хуже».

Модус личностной атрибуции. Подчеркивает тесную атрибутивную связь СЭБ с определенными комплексами личностных свойств его носителя, т. е. источник материального благополучия – в самом человеке. Объем собственности вызывает суждения не только об относительном богатстве ее владельца, но и в свою очередь отражается в его восприятии и самооценке личностных качеств. В общественном сознании существуют широко разделяемые представления о личностных качествах людей с различным материальным положением – главным образом позитивных качествах богатых и негативных качествах бедных, материально неблагополучных: богатые – преимущественно сильные, энергичные, успешные, но часто аморальные люди; бедные – слабые, ленивые, пассивные, но нередко добрые и справедливые. В основе этого – символическая среда, которая содержит социально доминирующие представления – благосклонность к богатым людям, в которой невольно отражаются основы распределения власти и статуса в обществе (Диттмар, 1997).

Модус экономической стратификации. На субъективном измерении материального благополучия базируются представления об экономическом расслоении общества, его социальной структуре. Этот модус отражает экономическое неравенство в обществе, его деление на слои по экономическим признакам. Объем имеющихся во владении материальных благ используется для помещения людей на тот или иной уровень социально-экономической иерархии в обществе (Диттмар, 1997; Dittmar, 2004; Lea, Webly, 2005; Торопова, 2009). Экономическое благополучие является индикатором

относительной экономической позиции (статуса) человека, а также принадлежности к определенному социально-экономическому слою населения. На основе оценки человеком своего материального положения и экономического самочувствия в социально-экономической структуре общества выделяют различные имущественные слои населения, например, такие: бедные, необеспеченные, обеспеченные, зажиточные и богатые (Беляева, 2010). Самоидентификация экономического благополучия часто считается важным (хотя и не единственным) критерием отнесения человека к тому или иному социальному классу – например, на этом основании выделяют субъективный средний класс, субъективно бедных, субъективно обеспеченных и т. п. Многие исследователи полагают – и вполне справедливо – что значение субъективных оценок ограничено – они не могут рассматриваться как самый строгий или тем более единственный критерий социальной дифференциации. Однако в условиях экономической нестабильности и социальной аномии, характерной для посткоммунистических государств, переживающих трансформационные процессы, традиционные объективные критерии (облагаемый налогом легальный доход, уровень образования, должность, профессия и т. п.) еще менее информативны для определения социальной структуры общества, чем субъективные показатели экономического благополучия.

Из предложенного выше теоретического анализа системы модусов можно сделать некоторые выводы. Первое – это то, что СЭБ является многомерным и многофакторным феноменом, следствием сложной взаимосвязи культурно-исторических, социальных, социально-психологических, психологических, физических, временных, экономических и духовных обстоятельств. Как явление экономического сознания оно – результат взаимодействия условий внешней среды, генетической предрасположенности, особенностей индивидуального развития, а также свойств личности субъекта жизнедеятельности, имеющий смысл в развитии социальности, отражающий интегральную оценку материальных условий и качества жизни.

Признаки и функции субъективного экономического благополучия

Предпринятый выше анализ показывает, что понятие СЭБ очень многопланово и многозначно в силу важной роли, которую играют материальное преуспевание и деньги в жизни человека, что прежде

всего и отражается в существовании разнообразных качеств СЭБ, которые можно обобщить в следующие его *признаки*.

1. *Субъективность*. Этот признак означает, что СЭБ существует внутри индивидуального опыта и является его отражением. Ни уровень дохода, ни объективные материальные условия его жизни, а только лишь убеждение индивида в своем материальном благополучии является для СЭБ определяющим. Этот признак порождает феномен априорного рассогласования субъективного и объективного экономического благополучия.
2. *Гетерогенность*. СЭБ – это не просто степень выраженности определенных показателей в едином континууме значений от «неблагополучия до благополучия». Феномены экономического благополучия и неблагоприятия, строго говоря, не являются однородными, так же как не являются и «зеркальным» отражением друг друга. Феноменология здесь обусловлена не только крайними состояниями благополучия и неблагоприятия, бедности или богатства, но также обстоятельствами, которые обуславливают тонкие различия между неполной обеспеченностью, средним достатком или состоятельностью, а также существованием различных психологических типов как экономического благополучия, так и неблагоприятия.
3. *Глобальность и фокусированность измерения*. СЭБ обычно включает глобальную оценку разных аспектов экономической жизни личности – доходов, работы, потребления, жилищных условий, собственности и др. в период от нескольких недель до нескольких лет. Однако эта оценка может быть ограничена только какой-то конкретной, отдельной областью, что зависит от целей измерения.
4. *Социальность*. СЭБ несет в себе оценку, основанную на социальном сравнении с другими людьми, группами, референтами, обобщенным образом «другого» (например, богатого или бедного), а также с самим собой, своими прошлыми, настоящими или будущими достижениями. В этом заключается социальная сущность экономического благополучия: само наличие мотива сравнения – социально (социализировано), с одной стороны, и реализация подвергается общественной оценке – с другой. Эта оценка может быть реальной или представляемой, непосредственной и опосредованной, немедленной и отсроченной. В любом случае личность соотносит то, что она делает, с социальными

стандартами (в том числе и в самой личности), однако сами «стандарты» могут существенно дифференцироваться в зависимости от условий социализации. Соответственно, с их изменением в масштабе малого и большого социума меняется и фокус СЭБ.

5. *Прогностичность*. Экономическое благополучие имеет временную ориентированность и прогностическую направленность оценок и переживаний индивида. В каждый момент времени СЭБ одновременно включает сумму оценок как настоящего, так и будущего (т. е. ожидаемого) благополучия. Это означает, что неудовлетворительная личная экономическая ситуация может все же оцениваться как приемлемая, если человек верит, что в будущем она будет улучшаться и – наоборот.
6. *Ценностно-смысловая направленность*. Поскольку мы говорим о СЭБ личности, то, естественно, оно включает в себя: социально-нормативные ценностные установки на материальные блага, реализация которых предопределена всей совокупностью условий социализации личности (как в субъективном, так и в объективном планах); реализацию потребностей, также имеющих социальный контекст формирования; и наконец, глобальную оценку своего существования на основе соотнесения частных и обобщенных представлений о своей жизни и самореализации в ней с некими «эталонными представлениями» о благосостоянии, усваиваемыми в процессе социализации.
7. *Субъектность*. Этот признак подчеркивает, что феномен СЭБ выступает как результат активных усилий человека и реализации его личностного потенциала экономических достижений (способностей и возможностей его роста), который не исчерпывается процессами адаптации к социально-экономическим условиям жизни, а имеет выраженную субъектную природу своего формирования. Последнее отражается в особенностях экономической активности человека, направленной на жизнеобеспечение.
8. *Инерционность*. Инерционная природа СЭБ проявляется в моменте запаздывания его трансформации относительно изменений объективных условий жизни. Например, снижение и ухудшение объективных условий жизни в результате мирового экономического кризиса 2008 г. отразилось в субъективных оценках материального благополучия с временным лагом в 2 года из-за ожидаемой кратковременности кризисных явлений.

9. *Интегрированность*. СЭБ есть структура в единстве ее компонентов (или элементов) – когнитивных, аффективных и коннотативных характеристик, которые формируют его как целостное явление, феномен экономического сознания. Каждая составляющая выступает как отдельная подструктура, которая в свою очередь может быть подразделена на более частные ее элементы. В соответствии со степенью структурированности компонентов выделяют разные уровни СЭБ, констатируется известная независимость когнитивных и эмоциональных составляющих.
10. *Атрибутивность*. Этот признак подчеркивает тесную связь СЭБ с определенным набором психологических (уверенность в себе, активность, самоэффективность) и экономических качеств и способностей (планирование расходов, рациональное обращение с деньгами и др.) личности.
11. *Символичность*. Субъективное благополучие стабильно ассоциируется с успехом в делах, удовлетворенностью работой и отношениями с коллегами, умением решать конфликты и в конечном итоге – с более высоким доходом (Pavot, Diener, 2008). Экономическое благополучие играет важную роль в повседневной жизни, в способах восприятия и оценки человеком самого себя и других людей. Оно формирует сложную систему социальных символов, несущих информацию об их владельцах. Например, собственность символизирует не только личностные качества индивида, но и качества группы, к которой он принадлежит, его общее социально-экономическое положение. Люди не только выражают свои личностные и социальные качества посредством материальных благ, но также делают выводы об идентичности других людей на основе имущества, которым те владеют.

Функциональное строение СЭБ также многозначно. Среди его *функций* можно выделить ряд объединяющих позиций:

1. *Регулятивная функция*, или *функция адаптации* заключается в регуляции внутреннего самоотношения, самочувствия, а также взаимоотношения с внешним миром, усиливающих адаптационные возможности человека в восприятии себя и своей жизни.
2. *Функция управления когнитивными процессами*, обеспечивающими адаптацию и интеграцию личности в социуме, – реализуется в их консолидации и организации актуального и имеющегося в «арсенале» знания и чувственного опыта.

3. *Функция личностного развития*, стимулирующая движение как в сторону саморазвития, так и в сторону обеспечения внешних условий для удовлетворения высших потребностей и приведения всей системы в равновесие.
4. *Символическая функция*. СЭБ определяет символическое проявление социально-экономического положения и личностной идентичности человека, их значение, следовательно, конструируется и обуславливается социально. Например, мифологема благополучия гласит, что высокообеспеченные люди во всем мире меняют свои автомобили на новые ежегодно, чуть менее обеспеченные («средний класс») – раз в два года (Березин, 2005).
5. *Функция конструирования экономической идентичности личности*. Оценка собственного материального благосостояния выступает основой конструирования человеком своей экономической идентичности (Угланова, 2001), а также центральным моментом его экономической идентификации (Хашенко, 2004б). СЭБ выступает фактором формирования идентичности, существенным регулятором повседневного социального поведения человека, обуславливает его экономическое самоопределение.
6. *Информационная функция*. На микроуровне анализа СЭБ выступает важным индикатором социального самочувствия человека, на макроуровне – индикатором эффективности экономической политики государства (Di Tella et al., 2001; Frey, Stutzer, 2000).
7. *Социально-политическая функция*. СЭБ играет важную роль в регуляции социально-политических настроений в обществе, а также отношения различных групп населения к проводимым в нем социально-экономическим преобразованиям и оценки их успешности. Постоянно сравнивая свою материальную ситуацию с материальной ситуацией других, человек чувствует себя либо победителем, либо проигравшим, что может стать мотивацией его политических действий – поддержки или сопротивления проведению реформ (Habich, Spéder, 1998).
8. *Функция психологической безопасности*. Человек, как правило, не замечает своего порабощения со стороны вещей, поскольку он охотно принимает их регуляторно-компенсаторную функцию. Помимо удовлетворения потребностей, бытовые вещи, а также деньги постоянно или циклически обеспечивают контролируемое переживание человеком своего существования, играя регуляторно-терапевтическую роль. Обладание вещами необходимо, как сновидения, ибо обеспечивает необходимый

механизм психологической защиты. Деньги и вещи получают ту психическую нагрузку, которую должны были бы взять на себя отношения с людьми, и именно такой ценой вещи и приобретают свою огромную регулятивную силу. То, что не удастся на межличностном уровне, берут на себя вещи. Так, например, достоинства вещей возвышают, но не ограничивают личность, поэтому обладание модными или эксклюзивными вещами (одеждой, автомобилем), деньгами повышает самооценку. Просто приобретение вещей – не ради них самих – может приносить радость, снимать психологическую тревогу и стресс, способствовать улучшению настроения.

9. *Манипулятивная функция.* СЭБ имеет и властную функцию, обладает мощным воздействием на человека благодаря избыточному влиянию на него материальных ценностей. Целенаправленное формирование желания обладать вещами и материальными ценностями позволяет не только управлять экономическим (финансовым) поведением и активностью людей, но и социальными настроениями в обществе. Психологическая зависимость человека от мира вещей позволяет через рекламу, методы и технологии продажи управлять и манипулировать поведением человека, создавать такую систему ценностей, в которой вещи и деньги становятся смыслообразующими целями жизни. Особенно чувствительно к манипулированию и внешнему управлению своим экономическим поведением молодое поколение. Условием позитивного функционирования личности является поиск гармоничной связи материального и духовного начала в человеке. Эта жизненная задача, актуальная для представителей разных социальных групп современной России и прежде всего молодежи, осложняется множеством проблем и внутренних противоречий, порождаемых усугубляющимся социальным и экономическим неравенством, бедностью, доминированием модели потребления и крушением прежних идеалов социальной справедливости.

Актуальность экономико-психологических исследований субъективного экономического благополучия личности и группы

Накопленный богатый и разноплановый эмпирический опыт в области изучения взаимосвязи объективных условий жизни и благополучия человека, «экономики» благополучия и счастья (есопому

of well-being, economics of happiness), субъективных индикаторов благосостояния, ценностно-смысловых аспектов материальных достижений требует не только их теоретического обобщения и осмысления (например, см. Diener, Seligman, 2004; Diener, Tov, 2007a; Clark et al., 2008; Dolan et al., 2008). Важной является и постановка проблемы СЭБ как собственно теоретической, без чего невозможно, по нашему мнению, полноценное развитие экономической психологии как самостоятельной отрасли психологической науки, а также осуществление ею активной роли в формировании общественной политики (Diener, Seligman, 2004; Dolan, White, 2007; Dolan et al., 2011; Diener et al., 2009; Юревич, 2006; Юревич, Ушаков, 2009; Юревич и др., 2007). Как показывает проведенный анализ, разработка надежной методологии измерения экономического благосостояния, поиск его субъективных индикаторов выдвигает в число центральных проблем, требующих специального углубленного анализа, проблему содержания понятия СЭБ как явления психосоциального, экономико-психологического, культурно-исторического, имеющего большое значение в качестве интегральной оценки благополучия личности и группы. Проблема СЭБ в последние годы приобрела междисциплинарный характер, поскольку ее понимание и описание требует изучения социальных, политических, экономических, мотивационных, нравственных и других условий жизнедеятельности личности и группы, предполагает анализ ее структуры, выделение ее свойств, изучение динамики проявления.

До настоящего времени эти вопросы не получили должного освещения и анализа, а потому имеют высокую научную актуальность. Отдельные аспекты данной проблемы затрагивались в основном в зарубежной экономической психологии, социологии и экономике при изучении природы экономической детерминации субъективного благополучия (Argyle, 1996, 1999; Bradburn, 1969; Cantril, 1965; Compton, 2001; Diener, 1984; Kahneman et al., 1999; Lea et al., 1987; Lewis et al., 1995; Seidl et al., 2004); субъективных индикаторов качества жизни (Углонова, 2001; Argyle, 1996; Campbell et al., 1976; Cantril, 1965; Veenhoven, 1997), соотношения объективно и субъективно измеряемого экономического благосостояния личности и группы (Ackerman, Paolucci, 1983; Easterlin, 2001b; Freedman, 1978; Frey, Stutzer, 2002b; Harrington, Loffredo, 2001; Kahneman et al., 1999; McBride, 2001), экономических детерминант и моделей субъективного благополучия (Andrews, Witney, 1976; Argyle, 1999; Diener, 1984; Easterlin, 2001a, 2001b; Inglehart, 1990; Inglehart, Rabier, 1986;

van Praag, Frijters, 1998; van Praag et al., 2000), психологии бедности и богатства (Lewis et al., 1995; Дейнека, 2000; Муздыбаев, 1997, 2001; Maddux, 2002), взаимосвязи СЭБ и субъективного качества жизни (Углонова, 2001, 2002, 2003).

Высокая актуальность исследований СЭБ личности связана с рядом причин, придающих ей важное теоретическое, эмпирическое и практическое звучание. Прежде всего, нельзя не отметить практическую востребованность таких исследований, особенно в критические (или кризисные) периоды развития общества, когда детерминированность явлений обыденного сознания общим контекстом трансформационных процессов социальной жизни резко возрастает. Последнее является характерным как для России, так и для большинства бывших социалистических стран. В результате масштабных сравнительных исследований факторов субъективного благополучия было установлено значительное несоответствие закономерностей детерминации благополучия в странах Восточной и Западной Европы или даже в рамках одной страны, например, Восточной и Западной Германии (Blanchflower, 2001; Clark, Maurel, 2001; Eggers et al., 2005; Fidrmuc, 2000; Frijters et al., 2004; Hayo, Seifert, 2003; Hayo, 1997; Helliwell, 2003; Huppert et al., 2009; Kahneman et al., 1999; Ravallion, Lokshin, 2002; Rose, Mishler, 1994; Schyns, 2000, 2001; van Praag et al., 2000; Veenhoven, 1997; и др.). В этой связи зарубежными и отечественными учеными подчеркивается необходимость проведения специальных исследований экономико-психологических феноменов сознания и поведения личности в условиях трансформирующегося общества как самостоятельного направления научного поиска. Поэтому проблема экономического благополучия имеет особое звучание для стран (к числу которых, безусловно, относится и современная Россия), претерпевающих серьезные трансформационные изменения – внедрение рыночной экономики и демократических политических институтов (Hayo et al., 2003; Hayo, 1999; Senik, 2004).

Радикальные социально-экономические изменения последних десятилетий в России коснулись прежде всего экономических основ жизни. С одной стороны, несмотря на объективный рост общего уровня жизни населения, гипертрофированно усилились имущественные различия между наиболее богатыми и бедными группами населения, резко возросло неравенство доходов в обществе. С другой – наблюдается разный динамизм социально-экономических процессов в центре и в регионах, что приводит к высокой регио-

нальной дифференциации в уровне и качестве жизни населения. Эти изменения, безусловно, отражаются на социальном и экономическом самочувствии граждан, росте поляризации настроений в различных группах и социальных слоях российского общества. Значительное число людей живут с ощущением, что их обделили, с чувством большой несправедливости. Накоплен и продолжает накапливаться пласт мощного социального недовольства в отношении Центра со стороны регионов России. Ключевыми проблемами развития общества стали проблемы имущественного и социального неравенства, бедности, социальной несправедливости, дифференциации разных групп населения по имущественному признаку. Социально-экономические трансформации общества нашли свое отражение в неустойчивости жизнедеятельности, мировоззрения, деловой активности, качества жизни общества в целом, а также – социальных групп и отдельных личностей. Сформировалась не только переходная экономика, но и переходное состояние экономического сознания и экономического поведения большей части российского населения, складываются принципиально новые социальные отношения (Горшков, 2000, 2003). В пользу того, что этот процесс еще далек от завершения, говорят следующие факты.

Ученые и публицисты все чаще отмечают процессы «атомизации» социальной жизни в российском обществе: люди замыкаются на себя, «уходят» в свои проблемы, человеческие общности дробятся, становятся все мельче и мельче. Сместился вектор нравственных критериев – «добро и зло перемешались». Кризис социальной (включая экономическую) идентичности обуславливает остроту проблемы самопознания и самосознания на индивидуальном и групповом уровнях. Люди не могут четко назвать, в какой стране они живут, каков их статус? Они нередко блуждают в смыслах и объяснениях при ответе на вопрос о счастье и процветании, но очевидно, что адекватного ответа сегодня нет ни у кого в мире. У нас самих – «промежуточное время», «промежуточный человек», «промежуточные ценности» – мы меняемся, и практически каждый человек ищет сейчас в огромном пространстве России свое новое место (Петренко, Митина, 1997; Петренко и др., 2001)

Социально-экономическая трансформация российского общества вызывает изменения в системе ценностей и жизненных приоритетов на индивидуальном, групповом и социетальном уровнях. Исследователи отмечают, что состояние массового сознания характеризуется существенной вариативностью в осмыслении различными социаль-

ными группами населения происходящих экономических изменений, внутренней противоречивостью и аффективной «нагруженностью» их оценок на фоне существенной диффузии нравственных принципов, а иногда – признаков диверсификации системы ценностей и утраты обществом духовных ценностей, а также – возрастанием роли материальных интересов и выгоды при крушении прежних идеалов социальной справедливости (Емельянова, 2006). Причину такой картины многие специалисты видят в усилении имущественной дифференциации различных слоев населения, когда проблема экономического благополучия и качества жизни претерпевает существенные изменения и обостряется. Это значит, что существующее сегодня в России социальное неравенство представляется несправедливым всем слоям населения независимо от динамики их личного благополучия. Особенно болезненно воспринимаются такие виды неравенства, как чрезмерная дифференциация доходов и неравенство в распределении частной собственности, справедливость которых в их нынешнем виде признают, по данным ВЦИОМ, всего 6% россиян, а не признают – 86% и 74% соответственно.

Наряду с системой ценностей, серьезные изменения затронули сферу межличностных и межгрупповых отношений, отношений собственности (Позняков, 2000; Журавлев, Купрейченко, 2005; Карнышев, 2004), продолжается интенсивная трансформация и развитие новой структуры современного российского общества. При этом имеется в виду появление как относительно, так и принципиально новых социальных групп и слоев населения – среднего класса, богатых людей, активно преобразующих окружающий мир, формирующих собственные социальные нормы, идеалы и стандарты жизни. Их становление в современной России еще далеко от завершения, оно лишь начинается и будет продолжаться не одно десятилетие, встречаясь с различными, в том числе психологическими трудностями. Социальные трансформации отразились на радикальной перестройке системы ценностей в индивидуальном, групповом и массовом сознании, в появлении новых приоритетов, прежде всего связанных с резким возрастанием значимости материальных благ (денег, богатства, имущества) у подавляющего числа людей.

Начиная с 90-х годов, было отмечено, что в российском обществе интенсивно формируется ориентация на группу *экономических ценностей* (богатство, материальная обеспеченность, деньги, собственность), что приводит к тому, что материализм личности, стремление к неограниченному потреблению стали повседневным явлением

общественной жизни. Ценности материального, прагматического характера стали не только занимать ведущие места в иерархии ценностей, наряду с ценностью здоровья и счастливой семейной жизни, но и во многом вытеснять и замещать другие ценности, прежде всего – нравственно-этические как регулятора повседневного поведения. Более того, такие изменения, хотя и в разной степени, коснулись представителей практически всех возрастных групп, но особенно детей и подростков. Так, начиная с 1994 г., такие экономические ценности как материальная обеспеченность, богатство и собственность вошли, по данным исследований, в группу самых значимых терминальных ценностей у групп старших школьников и студентов (Семенов, 1996, 2007; Хащенко, 1997, 1998, 1999). Эта тенденция в последующие годы не только сохранилась, но и продолжала углубляться (Дробышева, 2002; Журавлев, Дробышева, 2008, 2010; Фоломеева, 2004; Журавлева, 2006; Семенов, 2007).

В молодежной среде произошли сложные процессы, свидетельствующие о пересмотре культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта. Поколение «несоветской» молодежи, у которой представление о социализме как типе общественных отношений практически отсутствует, в качестве ориентира выбирает «западные» ценности – стремление к индивидуализму (Жарова, 2010) и материальному благополучию; большое значение для молодых людей приобретает ориентация на приобретение материальных благ (Степанова, 2006).

В результате столкновения традиционных и новых ценностей, норм, идеалов, эталонов и т. п. в жизнедеятельности человека возникла остро переживаемая потребность в самоопределении, прежде всего – социальном, профессиональном и экономическом (Хащенко, 2004б; Журавлев, Купрейченко, 2007). Произошло не только «размывание» (или кризис) оснований формирования социальной идентичности личности и группы, на что указывают многие специалисты, но и фактическое их «сужение», а иногда и полное замещение только одним – экономическим. Материальная обеспеченность приобрела доминирующее, если не сказать подавляющее, значение в качестве критерия выбора образования, профессии (Поликарпов, Пекарская, 2005). Осознание собственного материального положения фактически стало ведущим основанием формирования социальной и профессиональной идентичности, существенным регулятором повседневной жизнедеятельности, социального и экономического поведения и в целом поиска и самоопределения своей

позиции в современной социально-экономической действительности России.

СЭБ, отражая происходящие изменения, является, с одной стороны, объективным психологическим индикатором экономического развития страны, ее благосостояния, с другой – фактором детерминации экономического, политического поведения отдельного человека и групп населения. Экономическое благополучие или неблагополучие человека влияет на систему его отношений с государством, одобрение или осуждение им экономической политики, сказывается на восприятии принимаемых законов и в целом качества жизни, во многом определяет политическое мировоззрение личности. В качестве наиболее яркого примера, можно привести названия ряда политических партий в нашей стране – «Справедливая Россия», «Партия социальной справедливости», «Российская партия пенсионеров», «Партия бедноты России»*.

Указанные обстоятельства придают особую остроту исследованиям СЭБ личности и группы как проблемы, актуальной для теоретического осмысления и практического действия (Джидарьян, Антонова, 1995; Джидарьян, 2001), сама постановка которой в советском обществе была бы уместной, однако, невозможной по обстоятельствам политического и идеологического характера. По этой причине проблема СЭБ в отечественной психологической науке разрабатывалась недостаточно. Характерным для состояния исследования проблемы тех лет является то, что экономическое благополучие не выделялось в структуре субъективного благополучия в отдельную составляющую, наряду, например, с удовлетворенностью работой, отношениями в семье, реализацией повседневных запросов и духовных потребностей (Левыкин, 1987). Однако и в современной отечественной науке этот предмет исследования все еще изучен чрезвычайно скромно. Все вышесказанное обуславливает актуальность определения роли и места экономических факторов в субъективном благополучии людей, оценках качества своей жизни в кризисный для российского общества период, выявления характера зависимости между реальным экономическим положением человека и субъективным восприятием своего материального положения. Сегодня на передний план все больше выдвигается необходимость анализа личностных, социокультурных, социально-психологических детер-

---

* В настоящее время ряд партий уже прекратил свое существование или изменил название.

минант благополучия, поскольку оно «зависит от взаимодействия и взаимовлияния целого комплекса различных внутренних и внешних составляющих» (Гриценко, 2004).

Нельзя не отметить и еще одно, внешнее относительно науки, но очень важное для ее развития, обстоятельство. Мировой кризис современной экономической модели и его последствия во многом обусловили не только актуальность разработки новых подходов к управлению и регулированию экономической деятельности важнейших мировых экономических институтов, но и необходимость учета особенностей экономического сознания и поведения, т. е. психологии различных групп экономических субъектов в каждой стране. Фактом современной экономики в развитых странах мира стало использование международных систем оценки экономического состояния страны*, а также мониторинг субъективного благополучия населения (Diener, Seligman, 2004; Dolan et al., 2008).

Например, Мировой Банк систематически проводит опросы об объективном экономическом благосостоянии населения в разных странах (LSMS), или измерение жизненных стандартов домохозяйств (Grosh, Glewwe, 1998). Активно развиваются аналогичные национальные программы, например, GSOEP†. В течение многих лет

---

* «Всемирный барометр финансового кризиса» – международный проект, основной задачей которого является оценка восприятия финансового кризиса в разных странах. Проводится крупнейшими независимыми исследовательскими компаниями, входящими в международную исследовательскую сеть WIN каждые 3 месяца. В четвертой волне приняли участие 23659 респондентов из 24 стран мира. Опрос проводился в сентябре–октябре 2009 года. Выборка по каждому из государств репрезентирует взрослое население страны.

† GSOEP (German Socio-Economic Panel) – масштабные панельные (лонгитюдные) социально-экономические исследования частных домашних хозяйств, отдельных лиц и семей, проводимые ежегодно в Германии (с 1984 г. только на территории Западной Германии, с 1990 г. на территории всей Германии). Аналогичные по характеру и масштабу исследования проводятся в Великобритании – Британские панельные исследования домохозяйств (BHPS), в Канаде – исследования динамики доходов и труда (SLID), в Австралии – динамика доходов домохозяйств и труда в Австралии (HILDA), в Швейцарии – швейцарские панельные исследования домохозяйств (SHP), в США – панельные исследования динамики доходов (PSID). Результаты этих исследований интегрируются в Международной базе данных (CNEF), которая позволяет исследователям проводить сравнительные межстрановые исследования.

измерение благополучия осуществляет всемирная социологическая служба World Values Survey. В рамках программы «Новые демократические барометры» – национальных опросов общественного мнения (World Values Survey, Eurobarometer survey, Latinobarometers survey, Asian barometers survey) – в настоящее время проводится панельное изучение субъективных индикаторов благополучия и счастья, а также их динамики в разных странах мира – в Европе, Азии, Латинской и Северной Америке. Фактом стало использование их результатов в формировании политики государства. Подчеркнем в этой связи, что проблема экономического благополучия актуальна не только для России. Она имеет поистине мировое звучание. По данным последней (69-й) волны опроса общественного мнения граждан стран Европейского Союза (программа Евробарометр), для 68% опрошенных самой большой глобальной проблемой является бедность. Эти факты делают необходимым национальный и корпоративный мониторинг субъективного благополучия, а также разработку национальных индексов благополучия, которые включали бы оценку его ключевых переменных.

Особое значение вопросы мониторинга субъективного благополучия приобрели для России, находящейся на переходном этапе формирования новой социальной структуры общества, экономических и политических институтов.

По мнению Э. Динера, П. Кезебир и Р. Лукаса, для того чтобы политические и экономические решения опирались на реальную оценку экономических и социальных индикаторов состояния общества, оценивание благополучия с учетом всех существующих показателей должно проводиться на постоянной основе. Измерение благополучия позволит выявлять те социальные группы, у которых высоки или, наоборот, низки счастье, удовлетворенность жизнью, позитивные чувства, постоянно отслеживать изменения уровня благополучия, а также фокусировать внимание на тех сферах социальной и экономической активности населения, в которых люди испытывают удовольствие или неудовольствие. Эти исследования будут вооружать «лиц, принимающих решения» важной информацией о благополучии или неблагополучии населения. Опросы, безусловно, важны для развития прикладной психологии, привлечения ее внимания и интереса к наиболее важным последствиям принимаемых политических и экономических решений (Diener et al., 2008; Kesebir, Diener, 2008). Отметим, что для их осуществления в России есть необходимость разработки собственных национальных индек-

сов субъективного благополучия в связи с тем, что наличествуют так называемые эффекты национального уровня, переменные (факторы) специфичные для каждой страны. Существуют особенности их влияния на субъективное благополучие, характерное для стран с разной экономикой.

Чем подход с позиций СЭБ может обогатить теоретические, эмпирические и практические исследования в психологии, прежде всего экономической? Существует как минимум три причины, придающие актуальность анализу содержания понятия СЭБ как самостоятельного феномена. Наиболее практически ориентированный, но принципиальный аргумент, заключается в том, что этот феномен может выступить ключевым для анализа эффективности политики государства в экономической области, влияющей на уровень благосостояния населения.

Изучение детерминант СЭБ может быть использовано для оценки влияния социально-экономической политики государства на личное благосостояние и благополучие человека (Frey, Stutzer, 2000, 2010; Diener, Biswas-Diener, 2000; Diener, Seligman, 2004). Исходя из этого, социально-экономическая политика может быть оценена и переработана. Например, исследование связи между наличием детей в семье и экономическим благополучием может помочь определить политику по поддержке семьи, а – между безработицей и благосостоянием отдельного человека – в разработке политики в области выплат пособий по безработице. Кроме того, можно утверждать, что «экономика счастья» имеет прямое отношение к традиционной экономике, так как может быть использована для проверки старых идей новым способом, например, для ревизии адекватности таких политических идей, как «экономический рост – это всегда хорошо», а «инфляция – всегда плохо». Исследования СЭБ могут пролить свет на процессы воздействия на благосостояние через такой компромисс политики, как «инфляция против безработицы» (Di Tella et al., 2001).

Исследования СЭБ могут быть использованы для формирования политики в области распределения доходов. Традиционно политика государства направлена на более справедливое распределение доходов в стране. Тем не менее, нетрудно себе представить, что равенство благополучия более объективно достижимо, чем равенство доходов. Исследователь может определить бедность в соответствии с собственными оценками человека. Экономическая наука сосредоточена главным образом на определении и оценке бедности как объективном явлении, характеризующемся состоянием экономической

депривации. Тем не менее, бедность также может быть определена и как психологическое явление: например, через уровень субъективного экономического неблагополучия или субъективную неадекватность уровня доходов, в частности, нехватку денежных средств. В рамках СЭБ бедность может быть оценена на основе субъективных измерений финансового положения (или материальной обеспеченности) и с помощью оценки степени выраженности эмоционального неблагополучия (неудовлетворенности).

Важность таких исследований в условиях современного кризиса мировой экономики только возрастает. При этом не существенно, рассматривается ли природа изменений экономического благополучия населения как прямое (Di Tella et al., 2001, 2005) или косвенное следствие деятельности институтов власти (Frey, Stutzer, 2000, 2002a). Главное, что осуществление на практике традиционных и доминирующих в науке подходов к анализу экономического благополучия, основанных на использовании методологии измерения счастья или субъективного благополучия, сталкивается со значительными трудностями. Благодаря этим подходам было зафиксировано влияние на субъективное благополучие населения таких макроэкономических переменных, как безработица (Clark, Oswald, 1994), политические институты (Frey, Stutzer, 2000), а также инфляция, неравенство доходов (Di Tella и др., 2001). Однако противоречивость данных указывает, что связь между объективным благосостоянием и субъективными индикаторами благополучия является менее очевидной, чем обычно считается (Campbell et al., 1976; Diener et al., 1993). Одна из причин невозможности в должной степени объяснить полученные данные связана с несовершенством методологии измерения указанных сфер жизни: экономисты имеют строгий концептуальный подход, но некорректные переменные для объяснения природы благополучия, в то время как психологи имеют путаную теорию, но четкие переменные (Headey, 1993).

С этим согласны большинство специалистов – прямые экономические эффекты существенно «зашумлены» неконтролируемым влиянием большого числа неэкономических, индивидуальных (прежде всего психологических) переменных. Например, установлено, что люди находящиеся в браке более счастливы, чем одинокие. Однако однозначно определить причину, почему это так, очень трудно, в силу того, что само понятие счастья трактуется людьми чрезвычайно широко и поэтому очень неопределенно. Фокус на СЭБ и использование широкого круга индикаторов во многом решает эту

проблему. Подход с позиции СЭБ позволяет не только существенно сузить различия в толковании благополучия как у тех, кто находится в браке, так и у тех, кто одинок, но и, главное, понять природу вышеуказанной закономерности. Действительно, рост субъективного благополучия в браке может наблюдаться при отсутствии улучшения экономического благополучия или даже на фоне его ухудшения (Найо, Seifert, 2003). Теоретическое и эмпирическое преимущество понятия СЭБ заключается в следующем. Оно позволяет, во-первых, сосредоточиться только на анализе внешних (социально-экономических) и внутренних (психологических) детерминант экономического благополучия и при этом пренебречь влиянием других, свойственных общему субъективному благополучию; во-вторых, избежать проблемы, связанной с методологией измерения влияния объективного экономического благополучия на счастье (Diener, Seligman, 2004). Таким образом, измерение благосостояния на основе СЭБ имеет значительное преимущество по сравнению как с объективными измерениями благосостояния, так и с измерениями на основе субъективного благополучия. Кроме того, сам подход с позиции СЭБ вносит теоретический и практический вклад в разработку неэкономических, психологических индикаторов благосостояния человека, тем самым расширяя круг интегральных оценок жизни человека.

Другой аргумент в пользу изучения СЭБ основан на теоретических представлениях о том, что удовлетворенность или неудовлетворенность человека экономическим положением влияет на его отношение к рыночной экономике и демократии в стране (Fidrmuc, 2000; Найо, 1999). Общественная поддержка – важное условие успешности социально-экономических преобразований, что важно также для исследования тех факторов экономического благополучия личности и группы, которые могут влиять на успех реформ. Этот факт нашел свое подтверждение и в исследованиях, проведенных в России (Frijters et al., 2006; Schyns, 2001; Eggers et al., 2005). Было показано, что группы населения, удовлетворенные своим материальным положением, более позитивно оценивают результаты социально-экономических преобразований по сравнению с теми, кто указывал на свои материальные проблемы. Однако в то же время эта связь не является однозначной и устойчивой. Так, в исследовании, проведенном в Китае, выявлено, что оценка людьми общей экономической ситуации в стране объясняет поддержку проводимых в стране рыночных реформ, однако эта связь оказалась достаточно слабой. В то же время оценка людьми собственных экономических условий

жизни не обязательно оказывает прямое влияние на поддержку проводимых реформ (Nielsen et al., 2005).

Следующий аргумент опирается на теоретическое положение о том, что понятие СЭБ дает возможность изучения фундаментальной проблемы соотношения объективных и субъективных оценок экономических условий жизни на основе новой методологии. Измерение на основе субъективных индикаторов экономического благополучия не только создает меньше проблем (ошибок), но и обеспечивает альтернативный взгляд на экономическую ситуацию (Diener et al., 1997; Diener, Seligman, 2004; Diener et al., 2009). В ряде отечественных исследований показано, что измерение уровня благосостояния российских домохозяйств на основе модели субъективного благосостояния может использоваться для определения альтернативной меры бедности, превышающей официальную статистику как минимум на 7,97 процентных пунктов (Торопова, 2009). Отметим, что эта проблема является частным случаем более общего вопроса о взаимодействии внешних, объективных и внутренних (психологических) условий жизнедеятельности личности (Журавлев, 1998, 1999).

Насколько справедливы закономерности, установленные для общего субъективного благополучия человека, относительно оценки материальных условий его жизни? Достаточно ли адаптационные механизмы описывают природу их взаимодействия? Так, исследователями разных стран часто фиксируются явления «парадокса благосостояния», т. е. несовпадения реального материального достатка человека и его субъективных оценок.

В последнее время появляется все больше научных доказательств в пользу гипотезы о дивергенции экономических и психологических индикаторов благополучия человека (Diener, Seligman, 2004). Причем первых (экономических) явно недостаточно – в силу неоднозначной связи благополучия с доходом человека или уровнем жизни в стране – для того, чтобы отражать оценки и чувства человека относительно его жизни. Вторые (психологические) остро нуждаются в теоретической и методической проработке из-за крайней запутанности методологии их измерения. В конце концов, обнаружение того факта, что не существует однозначного соответствия между объективными и субъективными индикаторами условий жизни, имеет важное практическое значение, особенно когда речь идет об анализе благосостояния в периоды сравнительного экономического роста или потрясений, таких как экономический кризис и рецессия. Например, объективный экономический рост или же,

наоборот, экономический кризис могут не влиять на личное экономическое благополучие людей в случае, когда у них преобладают представления, что эти явления временные, – напротив, в условиях кризиса на фоне объективного спада экономических индикаторов у населения отмечается достаточно стабильное (особенно в начальный период) состояние субъективных оценок собственного экономического благополучия. Экономисты же обычно используют только объективные экономические показатели изменения уровня благосостояния, такие как, например, валовой национальный продукт на душу населения, индекс потребления, уровень дохода. Несомненно одно – что в периоды экономических возмущений, в критические (переломные) этапы развития общества баланс объективных и субъективных индикаторов благополучия может существенно нарушаться. По мнению ряда специалистов, оценка уровня благосостояния на основе субъективных измерений должна предшествовать объективному измерению уровня бедности (Ravallion, Lokshin, 1999). Такой подход к определению уровня благосостояния значим в тех случаях, когда речь идет об участии населения в социальных программах, а характеристики масштабов бедности по оценкам самого населения рассматриваются как предварительные оценки численности потенциальных претендентов на социальную поддержку (Торопова, 2009).

Психологические знания о соотношении объективных и субъективных индикаторов благосостояния обеспечивают альтернативный взгляд на экономическую ситуацию в обществе, что особенно актуально при решении практических задач оптимизации налоговой политики, повышения качества жизни, усиления деловой активности и эффективности экономического поведения населения. Таким образом, проблема СЭБ имеет выраженный прикладной характер, тесно связана с вопросами измерения качества жизни, выявления его объективных, субъективных и, особенно, психологических индикаторов благосостояния человека (Турецкая, 1999; Хащенко, Баранова, 2004; Andrews, Inglehart, 1979; Andrews, Witney, 1976; Veenhoven, 1997). В настоящее время измерение экономического благополучия является крайне запутанным – оцениваются различные концепты, причем разными методами, и потому существует настоятельная необходимость разработки более систематического подхода к этому измерению. На наш взгляд, такая система показателей не должна подменять экономические или другие применяемые социальные показатели, а должна дополнять и усиливать их ценность в рамках

общего индекса, преодолевая ограниченность измерения, основанного исключительно на основе экономических показателей.

Подход с позиции СЭБ способствует выявлению реальной роли экономических условий, факторов, феноменов в жизнедеятельности человека, которые изучаются только экономической наукой, главным образом экономикой счастья и другими сходными с ней областями экономики. Между социально-экономическими условиями или экономической средой и реальным экономическим поведением человека существуют опосредующие факторы в виде системно организованных психологических феноменов. К их числу относится феномен СЭБ, который отражаясь на состоянии внутренней экономической среды человека, оказывает влияние и на экономическое поведение, и на формирование самих экономических условий жизни. Поэтому понятие СЭБ крайне важно учитывать и в экономических разработках.

Не менее важными являются и собственно *научные* причины высокой актуальности исследований СЭБ. Эта проблема имеет несомненную теоретическую новизну в понимании самого феномена субъективного благополучия, прежде всего в аспекте интеграции усилий в изучении явлений экономического сознания, экономического поведения и материальных условий жизни личности. Взаимная детерминация экономико-психологических явлений сознания, поведения и условий жизни представляет несомненный теоретический интерес.

В этой связи необходимо подчеркнуть целесообразность, во-первых, исследования частных видов благополучия и, прежде всего экономического. Описание и тем более объяснение психологической природы конкретного неизученного вида благополучия само по себе является важной научной задачей, достойной специальных исследований. Значительный вклад в понимание целостного феномена субъективного благополучия человека возможен и через изучение частных его видов, так как в их отдельных компонентах и структуре, психологических механизмах и характеристиках, факторах формирования заключено много повторяющегося, сходного, выделение которого позволит продвигаться и в разработке общих проблем благополучия человека. Подход с позиции СЭБ дает возможность расширить осмысление природы благополучия через анализ механизмов взаимодействия экономических и экономико-психологических феноменов, внешней и внутренней детерминации явления экономического сознания, соотношения объективных и субъективных

оценок благосостояния, взаимосвязи дохода, представлений об экономическом благополучии и экономических притязаний человека.

Во-вторых, нерешенным в настоящее время остается вопрос о закономерностях возникновения благополучия/неблагополучия, зависимости между благополучием и отдельными областями жизнедеятельности человека, между общим благополучием и отдельными, частными его видами, в том числе экономическим. Этот аспект проблемы, несмотря на существование в зарубежной науке определенного опыта изучения экономических ресурсов как источников счастья, требует специального рассмотрения. Несмотря на зафиксированную достаточно давно взаимосвязь экономического и общего субъективного благополучия (Campbell et al., 1976; Cantril, 1965), они не находятся в прямой зависимости в субъективных переживаниях и являются независимыми (Easterlin, 2008). Фактическое объяснение состоит в том, что экономические условия жизнедеятельности человека являются основой, источником развития всех областей его жизнедеятельности – социальной, психологической, экзистенциальной, духовной – поэтому уровень материального благосостояния, его оценка, воздействуют на общее функционирование личности не непосредственно, а опосредуются актуальным ценностно-смысловым значением для личности экономических благ и финансовых ресурсов. Как психологическое понятие СЭБ подчеркивает прежде всего ценностные аспекты отношения человека к различным сферам его жизни, а также уровень адаптации к ним. Ценностно-смысловое значение определяется той ролью, которую на конкретном этапе жизненного пути человека выполняют, по его мнению, эти экономические явления.

Актуальность выбранной темы определяется еще и наблюдением многих исследователей, что молодые люди в большей степени ориентированы на достижение материального благополучия, чем на достижение каких-либо других ценностей (Барсукова, 2001; Карпухин, 2000; Лапин, 1996 и др.). По сравнению с предшествующими поколениями, отношение молодежи к материальной стороне жизни изменилось, и необходимо понять психологические детерминанты таких изменений.

В ряде отечественных и зарубежных исследований последних лет убедительно показана роль экономических ценностей в формировании типов ценностного сознания личности (Журавлева, 2006), их место в структуре социальных представлений о благополучии разных возрастных групп (Фоломеева, 2004; Емельянова, 2006). Пред-

лагаемый подход позволяет привлечь приоритетное внимание исследователей к ценностно-смысловым составляющим экономического благополучия как факторам и феноменам экономического сознания и тем самым сделать новый шаг в исследовании психологической регуляции экономического сознания и поведения личности. Прежде всего, речь идет об исследовании ценностно-смыслового наполнения представлений об экономическом благополучии, влияния материальных ценностей и в целом высокого и низкого материализма личности на уровень СЭБ, роли материалистических и постматериалистических ценностей в формировании его различных типов. В современных исследованиях по экономической психологии вопросы типологии СЭБ, несмотря на большую теоретическую и практическую значимость, являются недостаточно изученными. Их актуальность необходимо рассматривать в контексте более общей научной проблемы, а именно экономико-психологической типологии личности и группы. Отметим, что проблема типологии СЭБ имеет и большое междисциплинарное значение. Кроме задачи выделения типов СЭБ и их психологической детерминации, возникают вопросы их представленности в различных социальных группах населения, соотношения с другими типологиями экономических субъектов (Позняков, 2001; Журавлев, Купрейченко, 2007; Семенов, 2001).

В-третьих, следует отметить, что актуальным на сегодняшний день остается вопрос о динамике СЭБ – насколько она отражает реальные социальные изменения на уровне отдельной личности, группы или общества в целом. В исследованиях субъективного благополучия установлена следующая его динамика: при росте уровня дохода на душу населения средний уровень счастья в основном остается константным (Argyle, 1999; Easterlin, 1995). Отражая реальную жизнь, общее благополучие не меняется механически одновременно с развитием или изменением общества. Основная задача подобных фундаментальных исследований заключается также и в измерении динамики переживания благополучия с изменением возраста и в разные периоды жизни, изучении его зависимости от этапов зрелости личности. Общей точки зрения по этому вопросу среди исследователей нет.

Традиционные опросы показывали, что ощущение счастья либо несколько увеличивается с возрастом (Argyle, 1996), либо константно в течение жизни (Diener et al., 1999; Myers, Diener, 1996). Однако в более поздних исследованиях, проведенных на большом статистическом массиве данных, получены доказательства того, что кривая

динамики психологического благополучия в течение жизни имеет U-образную форму. Например, в уникальной по масштабу проанализированных данных (500 тыс. респондентов) работе показано, что типичный индивидуальный уровень счастья достигает своего минимума в среднем возрасте, а затем вновь несколько повышается. Эта динамика характерна для мужчин и женщин, представителей стран, отличающихся по уровню жизни, а также для разных национальных групп населения (Blanchflower, Oswald, 2008). В то же время в практически одновременно проведенном исследовании, не менее масштабном по объему проанализированных данных, делается прямо противоположный вывод – индивидуальный уровень счастья, начиная с 18 лет, медленно возрастает к середине жизни, а затем так же медленно снижается к старости, т. е. кривая динамика субъективного благополучия получает инвертированную U-образную форму (Easterlin, 2006, 2011).

Отметим, что современная наука не располагает знанием об изменениях СЭБ в течение длительного периода, как это имеет место в случае с общим благополучием человека. Опыт немногочисленных исследований указывает, что характерных временных трендов зафиксировать не удалось (Найо, Seifert, 2003). Этим определяется особая перспективность изучения динамики СЭБ и его источников.

В-четвертых, с позиций феномена СЭБ открываются новые возможности в исследовании богатства, среднего достатка и бедности не как традиционно социально-экономических, а как экономико-психологических феноменов. Необходимость такого анализа подчеркивается рядом отечественных экономистов и социологов, указывающих на важность психологического измерения этих феноменов (Овчарова, 2001, 2008; Овчарова, Прокофьева, 2000; Левада, 2001; Подузов, 2005; Римашевская, 2004). Традиция их психологического рассмотрения заключается в анализе этих явлений через призму социальных представлений, в основном направленного на выделение признаков богатого и бедного человека (Argyle, 1996; Kahneman et al., 1999), выявление роли материальных условий жизни в их формировании (Диттмар, 1997), а также восприятие и оценки благосостояния. Понятие СЭБ дает новый импульс исследованиям субъективного богатства, субъективного среднего достатка и субъективной бедности, изучению их как явлений экономического самоопределения и самоидентификации личности, определению субъективных стандартов жизни на основе изучения представлений об их границах, а также субъективным измерениям и выявлению

психологических типов представлений об экономическом благополучии как предикторе СЭБ. Тем самым делается важный шаг в направлении понимания феномена СЭБ, механизмы формирования которого не могут быть осмыслены вне анализа норм, жизненных стандартов, эталонов и других важных составляющих субъективных критериев оценки человеком своего благосостояния. Кроме того, такой подход позволит интегрировать исследования процессов экономической идентификации и социальных представлений личности, что не только расширит предметное поле их психологического изучения, но и взаимно обогатит их.

В-пятых, использование феномена СЭБ предполагает анализ проявления в качестве его значимых детерминант таких субъектных свойств человека как автономия, самодетерминация, вера в собственный потенциал в области экономических достижений, в деловой успех и конкурентоспособность (или воспринимаемую самоэффективность), способность контролировать события своей жизни, а также наличие предпочитаемых способов (или стратегий) жизнеобеспечения. СЭБ является категорией субъектности человека, в которой слиты воедино и восприятие, и оценка, и соотнесение, и другие процессы, обусловленные путем многократного опосредования через внешние и внутренние детерминанты, т. е. речь идет прежде всего о субъективности отношений личности. Вместе с тем своеобразный, специфически целостный внутренний мир человека, имеющий свои закономерности, свои тенденции развития, возникает на основе объективных связей и условий. Поэтому объективация внутреннего мира в поведении, деятельности, по сути, и становится основой для переживания благополучия или неблагополучия. Поскольку субъективное всегда имеет свою активную сторону и не только порождается событием, но и воздействует на него, СЭБ обладает достаточно весомым активным началом. Как удовлетворенность, так и неудовлетворенность финансовым положением могут становиться катализаторами экономической активности субъекта.

Важным является определение возможностей, которые благодаря исследованиям феномена СЭБ открываются для анализа и объяснения экономического сознания и экономического поведения (Хашченко, 2004а). Теоретический аспект значимости проблемы определяется актуальностью целостного изучения жизни человека, интегрированных им оценок своего бытия в различных проявлениях и осознания человеком явлений экономического содержания, таких как субъективная адекватность дохода, удовлетворенность

различными сторонами экономической жизнедеятельности (финансами, работой, жилищными условиями, потреблением и т. п.), представления о материальном благополучии, субъективный экономический статус, экономическая идентичность и самокатегоризация, экономические притязания и ожидания, экономический оптимизм, нужда в деньгах, экономический стресс и многое другое. Отметим концептуальную разнородность эмпирических исследований этих феноменов. Анализ с позиций СЭБ позволяет выявить не только их взаимосвязи, но также место и роль в его детерминации.

Очевидна недостаточная изученность психологической природы различных видов экономической активности личности, направленных как на обеспечение материальных основ своей жизни, т. е. экономического благополучия, так и на самореализацию и самоопределение личности в качестве экономического субъекта. Заметим, что среди других видов (трудовой, познавательной, игровой, досуговой и др.) активности человека область экономической жизнедеятельности в достижении экономического благополучия изучена менее всего (Китова, 2005). В этой связи чрезвычайно актуальным становится исследование механизмов не только отражения, но и самоопределения человеком своей экономической позиции. Современная трактовка методологии такого поиска должна предполагать новые акценты в теоретической парадигме исследования сознания (и самосознания) человека и его различных видов (экономического, политического, экологического и др.) (Хашченко, 2004а, 2004б). Приоритет в анализе психологических механизмов (процессов) сознания, опосредствующих воздействия внешнего мира на развитие и формирование личности, должен смениться рассмотрением тех из них, которые обеспечивают «включения» человека во внешний мир, в социальные отношения, в установление (созидание, самодетерминация, самоопределение) собственного индивидуального бытия. Используя известное выражение С. Л. Рубинштейна о сущности принципа детерминизма в психологии – «внешнее действует через внутреннее» (Рубинштейн, 1973), можно заключить, что необходим новый акцент в психологических исследованиях, а именно – на изучение того, как «внутреннее созидает внешнее». Другими словами, анализ экономического сознания и поведения личности должен быть психосоциальным. Речь идет о развитии психосоциальной парадигмы в психологии, предполагающей исследование психологических механизмов созидания (самодетерминации) личностью своего собственного материального и духовного бытия. Включе-

ние личности в экономические отношения всегда осуществляется как активный психосоциальный процесс, т. е. личность включается как субъект, проявляя разный уровень, диапазон и содержание экономической активности. Главное в такой постановке проблемы не отражательная сущность сознания, а то, как оно обеспечивает процесс жизнедеятельности личности, определяя способы взаимодействия с другими людьми, характер и меру участия в социальных отношениях, деловую активность, а также жизненную позицию, т. е. в целом субъектность личности (Турецкая, 1999; Турецкая, Хащенко, 1996, 1997, 1999).

Включение личности в разные аспекты социальных отношений образует спектр ее субъективных отношений к действительности как многомерную, многоуровневую и динамическую систему. Эти отношения выступают как интегральные свойства субъекта в том смысле, что составляют систему его предпочтений, мнений, интересов, образов, представлений и переживаний, что проявляется в действиях, понимании и оценке явлений, имеющих социально-экономическое содержание. Решающее значение в формировании субъективных отношений имеют экономические отношения и прежде всего отношения к собственности (Belk, 1985; Dittmar, 2004; Карнышев, 2004). Поэтому объективный экономический статус и субъективное (субъектное) отношение к своему материальному положению (экономическая идентификация, самокатегоризация) могут не совпадать и чаще не совпадают. Противоречие объективной позиции и субъективного отношения к ней снимается анализом СЭБ. Такая постановка проблемы сознания указывает на необходимость проведения эмпирических исследований, а также разработки общего теоретического подхода к пониманию природы экономического благополучия личности через анализ психологических механизмов экономической активности человека.

Нельзя обойти и еще один важный аспект актуальности исследований СЭБ, а именно этно-культуральный. Отметим, что анализ экономического благополучия становится возможным только на основе социокультурного и исторического анализа психологических особенностей различных социальных групп и общества современной России (Джидарьян, Антонова, 1995). Особое отношение к деньгам, собственности и богатству – специфическая черта русской ментальности (Журавлев, 2002). Это обусловлено не только современными обстоятельствами, прежде всего обострением социального неравенства в российском обществе и возрастанием материальных проблем

для большинства слоев населения страны, но и причинами исторического и религиозного характера. Своеобразность российского менталитета отражает двойственность обыденного сознания, где применительно к счастью материальная и духовная сферы жизни рассматриваются достаточно обособленно (Емельянова, 2006; Воловикова, 2005). В исследовании И. А. Джидарьян, посвященном представлениям о счастье в обыденном сознании русских, показано, что у счастливого человека преобладают такие морально-нравственные качества как доброжелательность, готовность прийти на помощь, порядочность, а также ощущение и понимание смысла жизни, общительность и т. п. на фоне полного отсутствия имущественных признаков (Джидарьян, 2001).

В данной книге будут рассмотрены основные проблемы и состояние исследований СЭБ, авторский поход к пониманию его содержания, структуры, уровней и типов, а также будут проанализированы его важнейшие закономерности, феномены и эффекты.